

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ВАТАГА

ВОЕВОДА

Ватага

Александр Прозоров

Воевода

«ЭКСМО»

2013

Прозоров А. Д.

Воевода / А. Д. Прозоров — «Эксмо», 2013 — (Ватага)

ISBN 978-5-699-61046-4

Для Егора Вожникова, который, нырнув в прорубь, вынырнул в 1409 году, все вроде бы складывается хорошо. Возглавив ватагу ушкуйников – речных пиратов, – он не только сумел неплохо устроиться в средневековой Руси, но и нашел любимую женщину Елену, да не какую-нибудь, а княжну! Именно она подтолкнула Егора к мысли, что пора ему самому становиться князем. А братья-ватажники помогли ему в этом. Казалось бы, живи да радуйся! Однако иные удельные владыки не желают признавать в нем равного, а великий князь Василий и прямо угрожает повесить за самозванство, словно обычного татя. Егору снова приходится братья за меч и садиться на гребную банку ушкуя. Его грозные враги даже не догадываются, что пришелец из будущего нашел слабое место их мира и теперь намерен подчинить знатных недругов своей воле.

ISBN 978-5-699-61046-4

© Прозоров А. Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Декабря 1409 года	5
Глава 2	21
Января 1409 года[3]	21
Февраля 1409 года	27
Марта 1410 года	30
Глава 3	39
Апреля 1410 года	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Прозоров

Воевода

Глава 1

Декабря 1409 года *Городок князей Заозерских*

Среди березовых поленьев оказался небольшой расколотый сучок, формой и размерами настолько напоминающий подзабытую игрушку, что Егор не удержался, подобрал выпавший из топки уголек, нарисовал на гладкой половинке экранчик и кнопочки, потыкал пальцем и поднес к уху:

– Аллю... Доски заказывали? Чего молчим? Спите, что ли?

– Что это у тебя такое, милый? – приподнялась на локте полуутонувшая в перине Елена.

– Телефон, – опустил сучок Егор. – Чего-то не отвечают...

– «Теле» значит «далеко», – продемонстрировала свое знание греческого княгиня, падая обратно на подушки, – а «фон» прибавляется к именам немецкой знати. Выходит, это у тебя... Далекое происхождение? Выращивание? Далекый властелин?

– Далекая задница... – шепотом поправил ее молодой человек, открыл дверцу топки и кинул неисправный аппарат в пламя.

Нельзя сказать, чтобы нынешнее положение его сильно угнетало. Как-никак, через жену он теперь князь, пусть и захудалого удела размером с провинциальный райцентр, – все вокруг кланяются, угождают. Слуги, холопы, дворовые девки завсегда и приберут следом, коли что напачкал, и стол накроют, и постирают, и постель уберут, полы помоют. Хоть ты плюй себе в потолок да заботы никакой не знай. Однако отсутствие до боли привычных и удобных вещей вроде аэрозоля с дезодорантом, фумигатора, даже банального полиэтиленового пакета, немало удручало.

Это может показаться смешным, но когда хочется прихватить с собой пару бутербродов, а положить их банально не во что – на многие неприметные пустяки из двадцать первого века начинаешь смотреть совсем иначе. Человеку будущего трудно понять, как это: бумаги практически нет, ибо штука чертовски дорогая и редкость заморская, только на летописи монастырские да на письма княжеские идет; все тряпки вокруг – домотканые, ручной работы. Тоже не поразбрасываешься, дороговато.

А резинки для штанов?

А непромокаемые плащи и сапоги?

А одноразовые зажигалки и спички?

А шариковые ручки? Лампочки и фонарики? Газовые плитки? Станки для бритья? Дверные петли? Зеркала и стекла в окнах? Пружинные постели?

А легкие как пух и небьющиеся пластиковые бутылки с завинчивающейся крышкой?!!

Егор чуть не застонал от тоски по недостижимому комфорту и подбросил в топку еще дров. Увы, раньше он даже примерно не мог себе представить, насколько благостной и удобной делали его жизнь эти тысячи и тысячи незаметных мелочей...

– Зачем ты топишь печь? – зевнула, вытянув руки над головой, Елена. – Пусть этим дворня занимается.

– Нравится, – пожал плечами Егор и закрыл дверцу.

– Не княжье это дело, милый. Пусть простолюдины грязной работой занимаются.

– Если я ныне князь, то отчего не могу делать все, что хочется? – не понял молодой человек.

– Зачем самому мारаться хлопотами, которые можно слугам поручить?

– Ты так уверена? – вкрадчиво поинтересовался Егор, возвращаясь к постели. – Ты и правда уверена, что нужно переключать на других прямо все, что они готовы сделать вместо тебя?

Присев на край кровати, он начал целовать ее лицо – ее глаза и брови, ее щеки и губы, шею, ямочку меж ключиц. Девушка хихикнула, чуть откатываясь в сторону – и он потерял равновесие, проваливаясь в глубокую и вязкую, как гидропостель, перину. Пух промялся под широкоплечим мужчиной куда глубже, нежели под хрупкой наследницей Заозерского княжества, Елена Михайловна оказалась сверху и начала целовать его сама:

– Суженый мой, единственный мой, долгожданный... Нет, конечно, нет... Ты и только ты... Никто, кроме тебя... Ты можешь делать все, что пожелаешь. Я вся твоя, мой князь. Твоя и только твоя.

И хотя жена и клялась ему в покорности, своим положением она воспользовалась без малейшего колебания, не отдаваясь, а получая свое, овладевая, поглощая собою мужа, управляя им, словно взнузданным жеребцом. Елена выпрямилась, откинув одеяло, и в пляшущем свете огня, пробивающемся через щели печной дверцы, открылась ему подобием демона страсти: алая в темных тенях, гибкая, с длинными волнистыми волосами на плечах, пугающая, но невероятно соблазнительная. Любимая, невероятно желанная и на диво – реально принадлежащая ему и только ему.

Ради такой женщины действительно стоило гикнуться в пятнадцатый век и жить среди свечей, портянок и бересты. В прежней жизни никого даже близко похожего Егор ни разу не встречал. Сильная и волевая, она не нуждалась в подачках и покровительстве, она сама могла награждать и защищать. И победа над Леной, овладение ею, право быть ее мужем стали для Егора куда более ценным достижением, нежели разгром своры ее дядьки и освобождение ее княжества от наглого захватчика.

– Любый мой, единственный, ненаглядный, – застонала княгиня, откидываясь на спину, схватила, до боли сжала его запястья и внезапно вся расслабилась, обмякла, словно потеряла сознание. И лишь последним выдохом с ее губ сорвалось: – Егорушка-а...

Некоторое время они лежали молча, просто поглаживая друг друга по обнаженной коже, потом Егор все-таки поднялся, подошел к окну, провел ладонью по слюдяным пластинкам, пытаясь разглядеть, что происходит снаружи.

– Вроде светает... – скорее предположил, нежели увидел, он. – Схожу я в кузню, Лена. Посмотрю, может, получилось у него все-таки хоть что-то.

– Все ты хлопочешь с чем-то, да хлопочешь, – даже не приподнявшись, покачала головой княгиня. – Развлекся бы хоть как, что ли? На охоту там съездил, лису задрал...

– Не хочу, – поморщился Егор.

На самом деле бывший лесозаготовитель охотиться, конечно же, любил. Вот только его любимая «Сайга» осталась где-то за шестьсот лет тому вперед, а попасть из лука в утку или оленя Егор не думал даже и пытаться. Равно как и идти с пикой на медведя-шатуна было не то чтобы страшно, но как-то все же... Зело непривычно. Что же касается скачки верхом за лисой напрямки через чащи, кустарники и овраги – так он из лука стрелял куда лучше, нежели сидел верхом. Не выпадал из седла на рысях – и то слава богу.

Так что более-менее доступной для новоявленного князя была только ястребиная охота. Это когда ездил себе по хорошей дороге не торопясь да время от времени дрессированную птичку на всяких куропаток выпускай...

Увы, обучить Егора этому элитарному искусству никто не удосужился. Для него танк бутылкой с зажигательной смесью подорвать – и то проще казалось. Однако танков в окрестных лесах, увы, не водилось.

Или к счастью?

– Это токмо спросонок лень, милый, – попыталась взбодрить его супруга. – А коли в седло подняться да через лес заснеженный прокатиться, воздуха морозного дыхнуть, беляка с лежки спугнуть, так рука уж и сама к кистеню потянется.

– Не, неохота, – отмахнулся, уже собираясь, Егор. – Есть у меня на здешнего мастера определенные надежды. Авось получится хоть что-то из моих мыслей в железо воплотить?

– Ты там токмо совсем уж о прочих делах не забывай, – забарахтавшись в перине, попросила княгиня.

– Не бойся, не забуду. – Егор свернул к ней, поцеловал в губы и торопливо вышел за дверь.

Елена, прислушиваясь, немного полежала. Недовольно поморщилась:

– Знаю я, что за интерес у мужиков и охоту, и пиры, и любых скоморохов перевешивает...

Она поднялась, взяла со столика колокольчик, резко им тряхнула. Коротко приказала заглянувшей бабе:

– Одеваться!

Дворовые девки были приучены исполнять волю хозяйки со всем поспешанием: тут же забежали в опочивальню, неся юбки, рубаху, кокошник, душегрейку, стали облачать госпожу, наряжая в десятки верхних и исподних одежд. Когда очередь дошла до подбитой горностаем парчовой кофты, Елена внезапно отмахнулась:

– Ступайте! Дальше уж одна Милана управится.

Две служанки послушно скрылись за дверью, оставив княгиню наедине с любимицей – девицей молодой и пышной, крупногубой, голубоглазой и русоволосой, с длинной тяжелой косой. И быть бы Милане в княжестве первой красавицей, да только еще в детстве лицо ее жестоко изъела оспа, и потому особым расположением среди парней она никогда не пользовалась.

Подхватив с постели приготовленную горностаевую душегрейку, служанка попыталась было надеть ее на хозяйку, но та лишь отмахнулась:

– Оставь!

– Холодно ныне, матушка, – почтительно возразила девка. – Коли из теплых комнат выйдешь, так и застыть недолго.

– Тулупчик какой-нибудь неброский надень да платком серым повяжись, – пропустив мимо ушей ее слова, приказала Елена. – Кузню Кривобокову знаешь? Ступай, найди место где-нибудь неподалеку. Семечек с собой возьми поболее да сиди лузгай. Никто и внимания не обратит. Ты же вполглаза за кузней смотри. Коли баба какая в нее войдет, ко мне беги немедленно. И никому ни слова о сем поручении! Поняла?

– Исполню в точности, – повеселела Милана, предчувствуя развлечение. – А коли Кривобок сам уйдет, мне чего делать?

– Да плевать мне на кузнеца, дура! – отрезала княгиня. – Пусть хоть весь город перепортит. Я о князе молодом беспокоюсь. Как бы порчи на него какой не навели али иной ведьминой напасти. Кузнецы, сама знаешь, с бесами и нечистью всякой чуть не с колыбели якшаются, в их ремесле без чародейства не обойтись. Так что смотри за кузней в оба! Дабы никто ни тайком, ни через огороды туда не подобрался.

– Сделаю, матушка, – ухмыльнулась Милана, поклонилась и метнулась к двери.

– Стоять! – еле слышно оборвала ее порыв княгиня и так же тихо пообещала: – Коли кому о сем поручении сболтнешь, уши отрежу и к языку велю пришить. Вот теперь ступай.

* * *

Кривобок ом здешнего кузнеца прозвали совершенно напрасно. Может, правая рука его и в самом деле была развита сильнее, нежели левая, но не по причине физического уродства, а из-за особенностей тяжелого ремесла. Даже под рубахой, и то никакой разницы уже не замечалось. Однако же стараниями завистников обидная кличка к лучшему кубенскому кузнецу все-таки прилепилась, а истинное имя, данное при крещении, так и забылось. Во всяком случае, Егор его ни разу не слышал. Даже от самого мастера.

Кузня, по обычаю, стояла в стороне от стен городка – уж больно часто горели мастерские работников огненного дела, не ровен час, пожар на жилые дома перекинется. Несмотря на ранний час, со стороны обнесенного высоким плетнем двора уже слышался звон молотка, на стенах плясали огненные сполохи.

– Здрав будь, Кривобок! – толкнул калитку Егор. – Чем занимаешься?

– Нож варю. – Кузнец, невзирая на мороз, одетый лишь в свободные полотняные шаровары и кожаный фартук, мерно простукивал небольшим молотком лежащую на наковальне раскаленную добела пластину, удерживая ее на месте клещами.

– Давай помогу! – Гость скинул на поленницу вытертый волчий налатник.

Как ни старалась княгиня, но приучить мужа величественно носить шубу так и не смогла. Уж больно непрактичным был дорогой, из сукна, парчи и соболей наряд с десятками сверкающих самоцветов. Да и не тот был у Егора характер, чтобы, выпятившись, ровно зажиревший гусак, с посохом выхаживать, лапы по земле приволакивая.

– Помогите, княже, коли не брезгуешь, – легко согласился Кривобок. – Клещи возьмите да за обушок подержите.

– А может, я за молотобойца постучу? – с надеждой спросил Егор.

– Тут сила не надобна. Тут навык нужен.

Мастер взял клещи поменьше и выхватил из горна совсем узкую, от силы с полпальца, пластинку. Наложил на заготовку и заработал молотком, сурово прикрикнув:

– Держи!

Заозерский князь напрягся, не без труда удерживая на месте нервно дрожащую и прыгающую пластину, и даже затаил дыхание, чтобы не отвлекать внимание мастера. Лишь когда тот полусотней решительных, размашистых, но точных ударов слепил пластинки в единое целое и перебрал заготовку обратно в очаг, Егор спросил:

– И что это ты такое делаешь?

– Нож обычный, – пожал плечами Кривобок, топчась на педали кузнечных мехов. – Я их из сыромятины олонекской обычно куяю и токмо на лезвие булатную кромку привариваю. Посему ценою они не сильно больше скобарских поделок выходят, а режут, ровно булат персидский. Народ разбирает в охотку, токмо делать успевай.

– Вот оно как... – хмыкнул Егор. – Не боишься секрет свой выдавать?

– Так сию тайну все княжество ваше ведает, – самодовольно ухмыльнулся кузнец. – Однако знать ведь мало. Нужно еще суметь исполнить. Ан сие ни у кого боле не получается.

Он снова выдернул раскалившуюся заготовку, пересыпал чем-то искрящимся, заработал молотком и сам же попытался его перекрычать:

– Пищаль твоя за горном стоит, княже!!! Поутру смотрел – вроде как высохла!!! Обожди чуток, я клинок токмо заточу и освобожусь!!!

Никакого пиетета перед новоявленным заозерским правителем Кривобок не испытывал. Много недель, проведенных вместе за общей интересной работой, сблизили мужчин, и теперь они чувствовали себя скорее друзьями, нежели хозяином и слугой. Тем паче что князь нико-

гда не отказывался поработать у кузнеца за молотобойца и не брезговал сам раздувать мехи, таскать железо и сбивать окалину.

Отвечать Егор не стал – все едино не услышит. Обошел жаркую тонкостенную сараюшку вдоль стены, забрал выкованный накануне ствол, не без труда поднял его, перенес на поленицу, уложил на березовые чурбаки. С одного из них содрал бересту, перехватил ее клещами, запалил в горне, поднес к срезу ствола, освещая полость, громко чертыхнулся: даже простым взглядом было видно, что канал неровный, с выступами и углублениями. Пусть микроскопическими, в доли миллиметра – но пулю в него без пыжа плотно не загнать. Либо застрянет, либо провалится.

А чего еще ожидать, коли ствол делается из сваренных полос, прокованных вокруг железного прута, тоже, в свою очередь, скованного на наковальне, а потому идеальной геометрией, мягко выражаясь, не страдающего?

Это было обиднее всего: Егор отлично знал, как сделать скорострельный пулемет – но не имел возможности изготовить даже приличной берданки. Будь ты хоть богом Гефестом – невозможно добиться ровного канала ствола без его высверливания! А сверл по металлу в этом мире никто еще не изобрел. Во всяком случае – в его княжестве. Про стандартизацию, калибровку, тонкостенные латунные гильзы лучше и вовсе помалкивать. Изготовить такую тонкую вещь местные ювелиры, может, и способны – но не больше одной штуки в неделю. Примерно по обойме к «калашникову» в год.

– Ну что, княже, нравится? – подошел, вытирая ветошью руки, Кривобок. – Мыслью, длиннее пищали даже в Москве не сыщешь.

Егор только вздохнул. В сложившихся обстоятельствах у него оставалось три пути: увеличение заряда, увеличение длины ствола и увеличение калибра. Все три способа он и попытался совместить в тринадцатой попытке изготовить «супероружие»: казенник по его просьбе кузнец обернул несколькими полосами железа для прочности, длина ствола вышла в полтора человеческих роста, а калибр Егор выбрал чуть больше своего большого пальца, примерно в тридцать миллиметров.

– Вот, княже, смотри... – Кузнец с гордостью продемонстрировал железный шарик почти правильной формы, поднес его к срезу ствола. Затолкнул, приподнял кончик ствола. Стало слышно, как шарик докатился до самого запального отверстия, а потом по наклоненному стволу скатился обратно в руку мастера.

– Кривобок, ты знаешь, что такое «обтюрация»? – со вздохом спросил Егор.

– Дык, княже... Пыжей из кожи воловьей набить поплотнее – оно не хуже прочих пальнет, – на удивление точно ответил на его вопрос мастер. – Я вчерась нарезал заготовку да на круге подправил. А прут давешний за прибойник сойдет.

– Ну, чего делать? – пожал плечами князь. – Тащи!

Засыпав в усиленный ствол три полные горсти пороха, Егор самолично загнал в «экспериментальную» пищаль пыж, продавил его прутком до упора, пристучал для надежности молотком, закатил пулю, прибил еще пыжом, уже не так старательно. Кивнул Кривобоку:

– Тащи козлы!

Вдвоем они водрузили ствол на козлы для пилки дров. Через открытую калитку князь старательно навел оружие на приметную сосну в бору за оврагом, примерно в полукилometре от кузни, натолкал порох в затравочное отверстие, туда же впихнул кончик огнепроводного шнура. Кривобок тем временем подпер пищаль со стороны казенника еще не разделанной березовой плахой в рост человека и в полтора обхвата толщиной, удовлетворенно кивнул:

– Теперь никуда не денется! С богом, княже, – кузнец перекрестился. – Во имя Сварога... Поджигай!

Егор оторвал еще бересты, запалил в горне, поднес к кончику шнура, а когда тот зашипел, выплевывая струйку дыма, – вместе с мастером кинулся со двора, обегая мастерскую. Как

только они оказались за домом, пищаль оглушительно грохнула – даже уши ненадолго заложило – в бору послышался треск, полетели щепы. От кузни в стороны пополз густой белый дым, словно там начался пожар.

– Кажись, не разорвало, – приподнявшись, попытался глянуть за плетень Кривобок. – Айда смотреть!

Он первым ринулся через овраг, князь стал спускаться по обледенелой тропке следом, но почти сразу поскользнулся и мигом съехал вниз на попе. Тут же встав и отряхнувшись, он начал подниматься на другой склон, цепляясь за ветки кустарника. Перевалился через покосившуюся березу, быстро пошел к сосне. Однако та стояла целой и невредимой.

– Сюда, княже! – замахал рукой кузнец от чистенькой зеленой ели шагах в тридцати в стороне. – Глянь, как разнесло! Пищаль мы отковали, кажись, просто зверскую! За триста сажень избу насквозь пробьет!

Железная пуля, как оказалось, попала в ствол старого высокого дерева возле самого края, стряхнув с елки снег и порвав, встопорщив древесину на длину где-то в половину локтя, после чего улетела дальше уже совсем слабой. Во всяком случае, если она еще куда и попала – то застряла в одном из десятков стволов, не нанеся заметных повреждений.

– Ты глянь, моща-то какая! – совсем по-детски радовался мастер. – Кабы татары тут стояли, так пятерых-шестерых вместе с лошадьми бы продырявила и не заметила! Вот диво так диво! Сказать кому – и не поверят! Чего ты хмурый такой, витязь? Радоваться надо! Вон какой удачной задумка-то твоя вышла!

– Я в сосну метил, а пуля в сторону черт-те насколько ушла, – показал Егор. – С такой точностью со ста шагов слону в жопу и то не попадешь. Канал неровный. Пуля раскачивается, и куда в итоге полетит, ни одной собаке не угадать.

– Окстись, княже! – замахал руками кузнец. – С трехсот сажень хороший лучник – и тот во всадника один раз из трех попадает. А ты хочешь из пушки по дереву приметиться! Такого никому ни в жисть не удастся. Рази из самострела попробовать – тогда да. Но от него мощи такой, как у тебя, не добиться. Эвон, как шарахнул! Не всякому лучнику по силам.

Они не спеша вернулись в кузню, над которой успело развеяться пороховое облако, осмотрели «станок для стрельбы». Козлы, как ни странно, уцелели, пищаль тоже была на месте, а вот плаху отдачей отбросило до самого забора, и на коре осталась вмятина в ладонь глубиной – наглядно показывая, что случится с плечом безумца, стрельнувшего из этакого «ружья».

Это был приговор. Окончательный и не подлежащий обжалованию. Знания двадцать первого века оказались совершенно бесполезными для технологий пятнадцатого. Мало-мальски эффективное для боя ручное огнестрельное оружие, как ни старайся, на деле оказывалось куда опаснее для стрелка, нежели для его противника.

Теперь Егор понимал, почему купцу Михайлу Острожцу с такой легкостью продали в Ярославле несколько бочонков пороха – особо не беспокоившись, на кой ляд новгородцу понадобилось столько огненного зелья.

Просто никто и нигде за опасное оружие огнестрелы пока еще не принимал. И хотя в крепостях уже стояли пушки, способные метнуть завернутые в пеньку каменные ядра на расстояние почти в полкилометра либо щедро выплюнуть ведро-другое гальки в совсем близкого врага; и хотя во многих городах уже всю работу порохом выполняли мельницы, перемешивая взрывчатую мякоть, окатывая и гранулируя ее, – однако для умудренных опытом воинов все эти новшества оставались баловством, пригодным разве что для вспомогательных целей.

Теперь и Егор начал соглашаться с этим мнением. Со скорострельностью один выстрел в два часа, точностью стрельбы плюс-минус телега и дальностью в половину расстояния полета стрелы – огнестрелы уже не казались ему устрашающим и всепобеждающим оружием. Их еще имело смысл поставить в городских башнях, зарядить и нацелить в опасном направле-

нии, чтобы при удаче пару раз пальнуть по идущей на штурм толпе... Но ни на что большее они явно не годились.

– Черт... – буркнул Егор, с грустью расставаясь с замыслами по вооружению ватаги ружьями и дробовиками. – Ладно, а как со второй моей просьбой? С железными бочками?

– Ты про порозы? Так один я уже почти сделал. И клин поставил, и пробку. Осталось только сварить.

– Покажи!

Порозами Кривобок называл придуманные Егором примитивные фугасы. Подрывать друг друга бочками с порохом здешние люди уже умели – однако пока не догадались, что прочный корпус снаряда способен увеличить мощность взрыва в пять-семь раз. И гость из будущего очень надеялся этим своим преимуществом в знании воспользоваться, засыпав по бочонку огненного зелья в железные шарики со стенами в половину сантиметра толщиной.

– Чего «покажи»? – неожиданно для всех раздался звонкий голос княгини.

– Да вот, половинки несваренные... – растерявшись от неожиданности, отступил в глубину кузни Кривобок и поднял с пола две темные от окалины, тяжелые полусферы.

– Вижу, что несваренные. – Елена, даром что в десятке длинных юбок, тяжелой шубе и пышной соболиной шапке, пробежалась по мастерской, быстро заглянув своими невинными пронзительными васильковыми глазками в каждый угол, за горн, под верстак, за мешки с дубовым и березовым углем, после чего, вскинув тонкие темные брови, сообщила Егору: – Батюшка, тут смерды лачинские недоимки привезли. Тебе, стало быть, княже, кланяются, почтение засвидетельствовать хотят. Ты бы их пошел приветил.

– Да, иду, конечно, – вспомнил о своих служебных обязанностях молодой человек, подобрал налатник, встряхнул, накинул на плечи.

– А что за баба сюда бежала? – не выдержав, внезапно спросила Елена. – Я заметила кого-то, пока шла.

– Супруга моя, верно, Снежанушка, – с теплотой в голосе ответил Кривобок. – Он, смотрю, на полке кувшин и сверток появились. Обед, стало быть, приносила.

– А-а... – огляделась еще раз по сторонам княгиня, но в небольшой кузне прятаться было решительно негде. – Так идем, любимый мой. Мерзнут людишки-то.

– Ты доделай, когда время будет, – напоследок приказал кузнецу Егор. – Завтра подойду, посмотрим.

– Не беспокойся, княже, – кивнул мастер. – Все исполню в точности.

Под руку с родовитой супругой Егор прошествовал к воротам княжеского двора, где свернулся змеей длинный обоз. Крестьяне, скинув шапки, согнулись в низких поклонах:

– Здрав будь, надежа-князь! Долгих лет тебе, княгиня Елена! Совет да любовь с молодым супругом. Долгие лета и детей поболее!

– Глянь, как моему возвращению радуются, – не без гордости шепнула мужу княгиня. – Все же я здесь законная хозяйка, а не Нифонка, подлый прыщ!

– Конечно, ты, – ухмыльнувшись, не стал спорить Егор.

Его всегда удивляло, откуда в умнице Елене, расчетливой, хладнокровной и многоопытной, взялся этот забавный «комплекс Золушки». Сам он, половину сознательной жизни проведя в шкуре частного предпринимателя, отлично знал, что простому люду глубоко наплевать на правила престолонаследия, законность власти правителя и хитрости его происхождения. Людей интересует только размер податей, безопасность и возможность заработать на сытую жизнь. А поскольку Елена после того, как ватага Егора вышвырнула князя Нифонта из Заозерского удела, не поменяла ни единого тиуна или мытаря¹ и не простила ни одной недоимки

¹ Тиун – управляющий, приказчик; мытарь – сборщик налогов. (Здесь и далее – примечания автора.)

– он бы ничуть не удивился, если бы половина княжества и вовсе не знала о смене власти в скромной столице княжества.

– Вот, княже. Недоимку с ловов по обычаю довели, – добавил один из крестьян, отравивший густую черную бороду, но при этом наживший уже немалую лысину.

– И вам всего хорошего, христиане, – кивнул Егор. – Шапки наденьте, простудитесь. Чай, не май месяц на улице.

Пройдя вдоль телег, он откинул рогожу на одной, на другой. Везде лежали навалом длинные черные туши насквозь замороженных усатых пучеглазых налимов. Хорошие налимы, килограммов по пять в каждом. Не красная рыба, конечно же, однако неплохое подспорье в хозяйстве, когда нужно каждый день кормить сотни голодных ртов.

– Молодцы, мужики, порадовали, – князь Заозерский прикрыл рыбу рогожей. – Вижу, рыбаки вы умелые, дело свое лучше всех прочих знаете. К амбару дальнему катите, там выгрузайте. Тиуну скажите, по чарке вина каждому я налить велел, дабы возвратиться веселее было.

– Благодарствуем, княже, – моментально повеселели крестьяне. – Мы же со всей душой... Завсегда готовы. Долгих лет тебе, князь Егорий!

Вот так. Много ли нужно, чтобы любовь у человека заслужить? Доброе слово да поощрение за старания. И плевать смердам, есть у него права на удел здешний али без закона он дворец княжеский занял.

– Нехорошо, когда смерды при тебе в шапках бродят, – пробурчала его красавица, стиснув локоть мужа. – Позорно сие.

– Так зима же, Леночка! – положил ладонь на ее руку Егор. – Коли мозги застудят, кто нам рыбу станет возить? Лучше сами в дом пойдем. Нет князей – нет проблемы.

Княгиня Елена посмотрела на него с явным осуждением, но спорить не стала, величественно прошествовала к крыльцу, с деланным безразличием поинтересовавшись:

– Ну, и какова она собой, Снежана Кривобокова?

– Это жена кузнеца, что ли? Понятия не имею! Не видел ни разу.

– Врешь! Она же вам обед в кузню приносила!

– Так мы в то время с Кривобоком по бору бродили, следы от пули искали. Вот и разминулись. А может, просто не заметил. Я ведь, кроме тебя, уже давно никаких женщин не замечаю.

– Правда? – остановилась княгиня.

– Правда. – Он тоже остановился и повернул жену к себе, обнял ладонями за щеки, наклонил голову вперед, упершись лбом в ее лоб и в упор глядя в яркие васильковые глаза. И суровая княгиня, ненадолго превратившись в ту прежнюю, веселую и ласковую девчушку, с которой он познакомился в Орде, откинулась, подставила губы и забросила руки ему за шею.

Сладкому поцелую княжеской четы одобрительно заулюлюкала привратная стража и хмельные ватажники, лепящие на валу под частоколом снежную крепость.

– Дармоеды... – ласково обругала их Елена, опуская голову мужу на плечо. – Как же долго я тебя ждала, милый! Каждую ночь о тебе мечтала. Что придет богатырь могучий, храбрый витязь в броне сверкающей и с мечом булатным, да на свободу из Орды уведет, женой своей сделает. Иногда страшно становится, что снится мне все это. Проснусь вот-вот, и опять в гареме окажусь...

Узнать ее тревоги до конца Егор не смог, поскольку во двор неожиданно влетели трое хорошо одетых и вооруженных всадников в ярких зипунах, с саблями на поясах, луками и щитами на крупах коней. С усталых скакунов из-под упряжи падала розовая пена, и заводные лошади, по две у каждого, тоже дышали с трудом, высоко вздымая бока.

– Это еще что?! – отпустив жену, шагнул вперед князь. Егор, даром что новичок в этом мире, уже знал, что въезжать верхом на чужой двор – тяжкое оскорбление хозяину дома.

– Постой... – удержала его Елена. – Вестники это. Гонцы.

Гости спешили. Двое остались удерживать коней, один – русский и безбородый, в изумрудно-зеленом зипуне, решительно направился к супругам, на ходу вытягивая из-за пазухи туго свернутую грамоту, скрепленную сургучной печатью.

– Ты, что ли, племянница князя Заозерского Нифонта, Елена, будешь? – поинтересовался гонец. – Письмо тебе от великой княгини Софьи.

– Почему не кланяешься, хам? – холодно поинтересовался Егор. – Почему шапку не снимаешь?

– Не велено! – отрезал вестник и дерзко вскинул подбородок, пытаясь посмотреть на хозяина посада сверху вниз. Получалось плохо. Хотя московский князь и подбирал посланца крепкого и видного, но Егор все равно оказался выше на полголовы и заметно шире в плечах.

Ватажники у стены и ворот зашевелились, стали подтягиваться ближе. Их атамана нагло и публично оскорбляли – и они готовились переломать грубиянам кости.

Елена скрипнула зубами. У нее был выбор: либо оскорбиться, обрить для позора гонцам бороды, выпороть, засунуть грамоту вестникам в пасть и на старых телегах отправить обратно – либо проглотить обиду и послание принять.

Хотя нет, обрить – не выходило. Посланцев великий князь Василий подобрал молодых, с босыми лицами. Только пороть...

Любопытство победило: княгиня протянула руку и гневно вырвала грамоту. Вестник довольно осклабился, отступил.

– Не нужно, – вскинув палец, остановил подобравшихся ближе ватажников Егор. – На кол посадить всегда успеем. Они ведь люди служивые, подневольные. Че велено, то и исполняют. Пусть поперва поедят да отдохнут с дороги. Вижу, торопились как могли. Старательные. Федька, проводи гонцов на кухню! Пусть погрееются. Глядишь, шапки и сами попадают.

– Сделаю, княже! – быстро протиснулся вперед мальчишка.

– Сделай, – взял его за плечи Егор, наклонился и быстро шепнул на ухо: – Но с едой не торопись.

Сообразительный паренек чуть заметно кивнул, побежал вперед. Часть ватажников потянулась следом, часть вернулась к воротам. Елена же продолжала крутить в руках грамоту.

– Интересно, почему Софья писала, а не сам князь? Заболел, что ли? – предположил Егор.

– Женщины женщинам пишут, мужчины мужчинам, – пояснила Елена. – Князь же тебе писать брезгует, достойным разговора не считает. За татя обычного почитает, коего и обмануть, и оскорбить, и повесить – не грех. Не к добру...

– Нарывается князь Василий, – рассмеялся молодой человек. – Приключений ищет себе на задницу. Можно обеспечить.

– Ох, Егорушка, – покачала головой княгиня. – Ты, знамо, храбрец известный и атаман признанный. Да токмо рати, равной московской, тебе не собрать. А сила солону ломит.

– Ничего. Ты пока послание прочитай, а я хочу дельце одно провернуть. Может, тоже чего интересного проведаю? – Егор чмокнул жену в щеку и быстрым шагом отправился к темному срубам, примыкающему к главному, теплему дому.

Когда атаман ватаги облюбовал это строение для своих припасов, он не обратил внимания, что печей там нет, а значит, и жить в нем можно только летом. Но теперь было поздно – не таскать же припасы с места на место?

В оружейные комнаты князь заглядывать не стал, сразу спустился в подклеть, отрезал себе от свисающего окорока пару ломтей сала, запихал в рот и, пережевывая, нашел на полках нужный кувшин. Снял, сдернул промасленную тряпицу, принялся. Удовлетворенно кивнув, отрезал себе еще сальца, сжевал и отправился на кухню.

Здесь, в просторной горнице, ярко освещенной пятью светильниками с бараньим жиром и жаркой из-за натопленной печи, гонцы сидели за столом, на котором не было ничего, кроме

огромной миски с сухим горохом. Четверо ватажников – Осип Собачий Хвост, Иван Карбасов, Линь Окунев и Тимофей Гнилой Зуб – сидели на лавке у стены напротив гостей, поглаживая мечи, Федька нетерпеливо приплясывал возле плиты, чуть дальше угрюмо возвышались Антип Черешня и Никита Купи Веник. А вот стряпуха куда-то пропала.

– Чего же вы не угощаете гостей-то? – удивился Егор, тоже присаживаясь к столу и водружая на него мгновенно запотевший кувшин. – Я их карать не собираюсь. Люблю дерзких и храбрых. Может статься, еще и в ватагу нашу позову. Нам бойцы отважные пригодятся. Федька, подай корцы со стены. Ну, и снеди какой-нибудь не помешает.

– Вы же налимов мороженных есть не станете? – Мальчишка моментом поставил на стол четыре ковша. – Они вон токмо оттаивать начали. Котлеты, мыслю, разве к ужину получится слепить. А горох баба Федора еще и не замачивала.

– Ну ладно, тогда так пока обойдемся... – Егор щедро плеснул из кувшина в широкие емкости ароматного напитка, хитро прищурился: – А не жарко ли вам, служивые? Шапки снять не хочется?

Вестники насупились, а старший из них только поправил получше на макушке лисий треух.

– Коли вы, ребята, так простыть боитесь, – участливо наклонился к ним князь, – то хотите, ватажникам велю, они вам шапки к голове гвоздиками прибьют?

Его бойцы с готовностью расхохотались, однако вестники шутки не оценили.

– Да ладно, не бойтесь, – потянулся Егор. – Говорю же, храбрых люблю. Давайте выпьем. Выпьем за отвагу воинов истинных, что любой страх одолеть способны, дабы приказ князя своего выполнить. Я так думаю, пить-то со мной Василий Московский вам не запрещал?

Гонцы переглянулись. Все трое отлично понимали, что ходят по лезвию. Сейчас хозяин посада шутит – но в любой момент может и осерчать. Они ведь по приказу великого князя оскорбили его изрядно. За такое и вправду могут шапки к голове гвоздями приколотить и на кол водрузить да такими назад в Москву и отправить. Перегибать не стоило. Да и выпить с дороги тоже хотелось – какой же мужик в здравом уме от такого откажется?

И потому, пусть и молча, ковши они все-таки разобрали, а когда Егор изрядно отхлебнул, доказывая, что угощение не отравлено, – то и выпили следом, не чуя подвоха.

– Так что, пойдете ко мне в ватагу, храбрецы? – быстро наполнил опустевшие ковши Егор.

– Мы бояре родовитые, – наконец разомкнул уста гонец в зеленом зипуне. – Под руку ушкуйника простого не пойдём. Мы великому князю крест целовали!

– Это верно, клятвы данные надобно соблюдать, – похвалил гостей Егор. – Звать-то вас как, служивые?

– Боярин Софон я, – вскинул подбородок старший. – Скалия Борового сын. Мы уже третье поколение князьям московским службу несем. А это – сын боярский Ануфрий и боярский сын Феофан. Тоже в третьем поколении витязи.

– Ну, давайте! За то, чтобы меч не подвел, конь не оступился и рука твердой оставалась!

Князь отпил на этот раз немного, гости же опрокинули чуть не по полному ковшу, хмелея на глазах.

Все-таки знания двадцать первого века давали пришельцу из будущего неплохую фору. И скованный Кривобоком длинный змеевик, и перегонный куб на треноге работали в холодном срубе безотказно, превращая самую плохую и даже порченную, ни на что не годную бражку в прозрачный, как горный хрусталь, самогон. Отстоянный с березовым углем, слегка разведенный медом и клюквенным морсом, начисто отбивающими алкогольный привкус, он пился легко, как компот, не вызывая никакого подозрения у непривычных к таким крепким напиткам бояр. На пустой желудок, уставшим и без того разомлевающим в тепле гонцам самогон съедал разум со скоростью, с какой бродячий пес заглатывает кусок колбасы.

– Признайте, страшно было, когда я вас на кол обещал посадить? – снова налил самогона по ковшам Егор. – Не хотел бы я на вашем месте оказаться. Нечто охота вам из-за какого-то трусливого Нифонта жизнью рисковать? Я, может, и не самый знатный князь на земле Русской, да ведь он и вовсе полное дерьмо!

– Нифонт возле княгини Софьи крутится да нашептывает, – вдруг проболтался гонец, которого Софон назвал боярским сыном Ануфрием. – Гладкий весь, ровно хорь, и чистенький.

– Не, у него с княгиней ничего срамного нет! – торопливо вскинулся старший вестник. – Да токмо прислушивается она к нему и потом пред князем за него заступается.

– Он что, жив? – не понял Егор, но быстро сообразил: раз возле княгини московской крутится, то явно не в болоте гниет, и вернулся к теме: – Коли не нравлюсь, садился бы князь Василий на коня да и шел сюда с дружиной! Чего витязей таких славных на убой посылать? Давайте выпьем... Федька, капусты нам принеси. И грибов.

– Князь в седло ныне так же легко, как ранее, не садится, – опять проболтался Ануфрий. – Ломота у него в костях, мучается тем изрядно. И ходит с неохотой, и ложку до рта через боль несет, и говорит тихо. В бане каждый день парится подолгу. После бани, сказывают, отпускает.

– Нет, коли нужда случится, он еще о-го-го! – тут же вступился за хозяина Софон. – И меч поднимет, и дружину в сечу поведет. Но пока надобности сильной нет, походов Василий Дмитриевич ныне сторонится. Да и чего ради рати-то гонять? Путь сюда неблизкий, княжество нищее, брать нечего. Одолеть он тебя, знамо, одолеет. Да токмо проку никакого. Ни славы, ни добычи.

– Выходит, он меня просто пугает? – Егор взглядом остановил Антипа, собравшегося было с помощью полена вступить за честь Заозерского княжества. – Надеется, что сам убегу?

– Не ищи гнева великокняжеского, атаман вожский! – торжественно вскинул палец боярин, но закончил краткую речь уже вполне обыденным тоном: – Чего тебе этот посад захудалый сдался? Ты ведь вроде из новгородских? Так и ехал бы к себе в Новгород. Князь тебя преследовать не станет. К чему кровь напрасную проливать? Супротив Москвы тебе все едино не устоять.

– Так что, князь твердо намерен нас отсюда выжить? – Егор подлил гостям еще самогона.

– Княгиня великая Софья Витовтовна позора дружка своего не простит, – зевнул боярин. – Князя же Василия на поход ныне раскатать трудно. Без большой нужды не сдвинется.

– Сам не пойдет, так дружину может князю Нифонту дать.

– Хорьку – дружину? – поморщились и Софон, и Ануфрий. Третий гонец уже спал. – Кто же к нему под руку встать согласится?

– А воеводу с войском послать?

– Коли послать, дружину придется ослабить. А чего ради? Ты ведь ушкуйник, вы на одном месте долго не сидите. Зима кончится, сам уйдешь, дабы гнева княжьего не вызывать... – Боярин весь раскраснелся, язык его заплетался все сильнее. – Опосля где-нибудь все едино попадешься... Тогда и повесят...

Он опустил голову на сложенные перед собой на столе руки и тихонечко засопел. Последний московит еще держался, но осоловевший взгляд подсказывал, что его разум уже успел расстаться с телом.

– Ну что, други? – перевел взгляд на ватажников Егор. – Может, и мы по одной? Все, что нужно, мы ныне узнали. Мести в ближайшие месяцы опасаться не стоит. А если понапрасну московского князя не раздражать, то волынку можно и вообще тянуть лет десять. Будем делать вид, что боимся. А они будут ждать, что вот-вот сами убежим.

– И то верно, – согласились ватажники, разбирая ковши. – Чего ради животы класть, коли миром все можно сделать?

– Вздрогнули! – князь допил свой самогон, довольно крикнул и указал на спящих гонцов: – На лавки их положите. Как оклемаются, пусть едят досыта и пьют допьяна. Делайте вид, что с

опаской к ним относитесь. Отдохнут – пусть скачут обратно в Москву невозбранно. Про меня же обмолвитесь, что спужался и уже вещи собираю домой в Новгород бежать. Пусть радуются.

Егор заглянул в кувшин. Там еще оставалось на полторы ладони самогона. На пятерых – аккуратно чтобы хорошенько захмелеть, но не нарезать. Тем более что пробу с его напитка ватажники уже снимали, с убойным действием были знакомы и ковшами, в отличие от москвичей, хлебать не станут.

– И другим передайте, чтобы над гонцами не изгалялись, – на всякий случай повторил он свой наказ. – Эх, хотел бы с вами посидеть, да уж больно любопытно, чего там княгиня Софья Елене написала?

– Иди-иди, атаман, князь, – с довольной усмешкой утешил его Никита Купи Веник. – Не пропадет твоя клюковка, не беспокойся.

Покои княгини Заозерской находились на женской половине дворца, в самом дальнем от хозяйственных построек краю, и имели отдельный выход в обнесенный тыном обширный двор, где Елена задумала разбить сад на ордынский манер – с прудами, рыбками и цветниками. Но из-за зимы осуществить мечту пока не успела. Егор, чтобы не петлять длинными, темными и, увы, холодными коридорами, прошел к ней через улицу, войдя в рубленый из полутораобхватных стволов и крытый тесом дом со стороны будущего сада. Не замеченный дворовыми девками, хлопочущими в проходной горнице, князь сразу направился в светлицу хозяйки – и застал любимую всю в слезах.

– Елена... Леночка, милая... Ты чего? – он быстро подошел к жене и крепко сжал в объятиях.

– Софья, гадина... Она... Она... – В этот раз урожденная княгиня Заозерская кичиться знатностью не стала, сунула нос ему в ворот и заплакала навзрыд.

Егор ладонью свернул с ее головы кокошник и минут десять успокаивал, прижимая к себе и поглаживая по волосам. Когда же всхлипывания чуть поутихли, осторожно поинтересовался:

– Ну, и чего такого эта дурочка тебе накропала?

– Она, – судорожно сглотнула Елена, – она поносит меня всячески, что мужчину старшего из рода своего не слушаюсь, уважения не выказываю и не почитаю. Ты представляешь? Нифонт, тварь богомерзкая, меня, почитай, собственными руками в Орду на поругание всяческое отдал, а я его почитать и уважать должна, слушаться беспрекословно?! – Ее пальцы, сгребая в складки ткань Егоровой рубахи, сжались в кулаки. – Кабы дотянуться могла, на месте бы ее задушила собственными руками. И за то еще попрекает, что в монастырь по возвращении не постриглась от перенесенного позора. Так, значит, по-еёному получается, что коли Нифонт поганый меня опозорил, так меня, стало быть, в клеть монастырскую навеки – а его на стол князя Заозерского со всем почтением. Да я еще и благодарить его всячески должна! – Слезы Елены наконец-то пересохли. Но не от того, что она успокоилась, нет. От невыносимой ненависти к дядюшке и его покровительнице. Елена продолжила уже почти спокойно: – Еще попрекает меня Софья, что мужика безродного на стол княжеский притащила, с татями-душегубами связалась и род свой позорю. В общем, ругательное ее письмо все от начала и до конца, с проклятиями и оскорблениями многими. Хочет, чтобы сами мы покаялись и Нифонта обратно впустили, на его милость отдавшись. А иначе муж ее силой того добьется, и плохо нам от того будет так, что сами не представляем.

Всхлипнув в последний раз, она выбралась из объятий, подошла к кушетке, подняла с нее грамоту, развернула, прочитала:

– «Ибо то бесчестие, коим ты покрываешь семя колена Ярославова, изрыгает тебя из рода княжеского и выполото должно быть без жалости и сожаления...» Выполоть она меня хочет, понимаешь?! Саму бы ее выполоть с ублюдком этим, невесть откуда в землях наших выползшим! Ты ведь можешь это, милый? Ты можешь, любимый? Наказать! Наказать так, чтобы навек запомнила и ко мне более не совалась!

– Можно и наказать, – пожал плечами Егор. – Нос маленько подрезать, чтобы в чужие дела не совала.

– Ты это сделаешь? Сделаешь, мой князь? – сунув грамоту мужу в руки, Елена закинула руки ему за шею. – Обещаешь?

– Обещаю, – кивнул молодой человек.

– Правда? Ты это сделаешь? Сделаешь? – Отступая, княгиня увлекла его за собой к кушетке, опрокинула, покрывая лицо поцелуями, рванула ему завязки штанов, быстро села сверху, сильным рывком вскинув юбки, раскрыв их вокруг, словно цветок.

У пятнадцатого века перед двадцать первым были, как ни крути, и изрядные преимущества. Например – женщины под своими юбками и рубашками не носили ничего.

Егор, утонувший среди рыхлых тряпок и прижатый к кушетке, в полной мере испытал на себе силу охватившей жену ненависти. Она вцепилась в молодого человека прочно, как бойцовый пес, она вбивалась в него с такой силой и яростью, словно это ее плоть входила в тело заозерского князя, а не наоборот. Ее поцелуи больше напоминали укусы, а ласки – борцовские захваты. Она не отдавалась, она брала свое – и когда их любовная схватка все же завершилась, Егор, не ожидавший такого напора страсти, испытал даже некоторое облегчение. Как и Елена, наконец-то ставшая мягкой и ласковой.

– Как хорошо, что ты есть у меня, любимый, – распластавшись рядом, прижалась к нему княгиня. – Пути Господни неисповедимы. Мне пришлось испытать немало мук, но я встретила тебя. И оно того стоило.

Егор вытащил из-за спины мятую грамоту, поднес к глазам. Разумеется, ничего не понял в Софьиной скорописи и просто отбросил ее к стене.

В этом мире он словно снова оказался первоклашкой. Буквы в текстах вроде как и знакомые – а читать получается только по слогам. В текстах красивых, каллиграфических, писцы рисовали буквы разного размера и формы, помещали одну под другую или вовсе внутрь, превращали слова в какую-то хитрую арабскую вязь. Сразу все знаки взглядом и не различишь. В обычных же письмах текст строчили, не разделяя слова, не ставя знаков препинания, а до кучи еще и пропуская половину гласных. Видимо, потому, что и так все должно быть понятно. В общем, нынешние тексты напоминали хитрые головоломки, которые не всякому по плечу. Егор одолевал эти загадки с большим трудом.

– Скажи мне лучше, как Нифонт твой в Москве оказался? Его ведь вроде как застреленным нашли и в болоте закопали.

– Поймаю – запорю! – враз посуровев, княгиня поднялась и пошла к своему столику.

Вожников только ухмыльнулся, прикрыв лицо рукой. Его с самого начала удивила нежданная щедрость, с которой прижимистая жена одарила охотников, сообщивших о смерти дядюшки. Похоже, были они посланы на гать не столько найти трупы, сколько их наличие обеспечить, но решили не рисковать. Зачем брать на душу грех смертоубийства, если награду можно получить просто за слова? А может – не смогли догнать, ушел князь с холопами? Охотники же решили не испытывать на себе гнев хозяйки.

В любом случае промысловиков уже давно и след простыл. Леса на Руси бескрайние, земли несчитанные – ушли куда-то, и как умерли. В Интерпол на них не заявить, розыск общероссийский не объявишь. А мужик с руками нигде не пропадет.

– А-а-а!!! – закричала отошедшая Елена, заставив мужа в испуге вскочить с кушетки:

– Что случилось?!

– Это я все время была в таком виде?! – в ужас впила взглядом в отполированное серебряное зеркальце княгиня. – Опухшая, с потеками румян и облепленная сажей с ресниц?

– Я люблю тебя любой, Лена. Какая бы ты ни...

– Не смотри! – Жена даже ладонью прикрывалась, избегая его взгляда. – Ты не должен видеть меня такой! Не смотри и уходи немедленно! Уходи! За ужином увидимся, а сейчас уходи.

Егор послушался – покинул женскую половину, забрав в прихожей шапку и налатник, обогнул дом, поднялся на главное крыльцо, но в дом не вошел. После минувшей любовной схватки кровь еще горела в его жилах, телу было жарко даже в расстегнутом налатнике. Князь Заозерский сел на перила, привалившись спиной к резному столбу, обдумывая все произошедшее и наблюдая за происходящим во дворе и за воротами.

Снаружи доносился хохот девичий и мужской, громкие перекрики. Это его суровые, кровожадные ватажники катались с ледяной горки – от вала с частоколом в овраг и до реки. Да и чего еще оставалось делать зимой на Руси не обремененным хозяйством рубакам? Кино и Интернет еще не придуманы, никаких казино нет даже в проекте, телевидение заменяют скорморохи с медведями, консерватории – гусяры, заунывные, словно скрипучая береза. Вот и получается, что развлечений у мужиков – токмо с горки покататься да подражаться стенка на стенку ясным вечерком, а опосля в церкви вечерню отстоять.

Ну, и еще жаловались постоянно горожане, что ватажники девок у колодцев лапают да подолы бабам задирают. Егор оправдывался, иногда откупался, ватажников журил, но изменить, понятно, ничего не мог. Что тут поделаешь? Скучно...

– О, Острожец! – встрепенулся Егор, увидев спешащего куда-то от погреба к воротам купца, кряжистого и большерукого – ни с кем не перепутать. – Эй, Михайло! А ну-ка, приятель, иди сюда!

– О, княже! – улыбнулся во все лицо, от уха до уха, Острожец. – Радость какая! Почитай, седмицу не встречались!

После того как сдружившийся с ним атаман неожиданно выбился в князя, новгородский купец обосновался на Воже-озере всерьез, отстроившись и заведя свой торговый двор. Егор с Еленой ему потакали, не без того – но границу разумного Михайло не переходил и особо старался не досаждать. Вот и сейчас: вроде как и друг, однако шапку снял и поклонился, хоть и не очень низко, с достоинством.

– Малахай свой надень, простудишься, – посоветовал ему Егор.

– А, ничто, – отмахнулся купец, однако же шапку напялил. – Как сам, как княгиня? О чем кручинишься в одиночестве своем, в дом не идешь?

– Да вот, Михайло, появилась одна закавыка, – сказал князь. – Москву мне захватить надобно. Князя Нифонта повесить, княгине Софье уши открутить. Чего посоветуешь?

– Москву штурмом взять? – хохотнул купец. – А отчего бы сразу не Иерусалим?

– А чего я не видел в этом Иерусалиме? – пожал плечами Вожников. – Пустыня пустыней. Нищета, три двора, да Иордан шириной с ручей в овраге и цветом стоялого болота. На кой мне сдалась тамошняя голытьба?

– Ты видел Иордан? – округлились глаза купца. – Ты был в Иерусалиме?

– Не, не был. По телевизору видел, – ответил Егор, хорошо понимая, что только путает купца еще больше. – То ли дело – Москва! Там ныне, полагаю, дворов тысяч десять будет?

– Может, десять. А может, и поболее, – задумчиво почесал в затылке купец. – Но не сильно. Разор Тохтамышев еще сказывается.

«Китай-город, помнится, только в шестнадцатом веке построили», – напряг память Егор.

– Кремль в Москве, конечно, белокаменный да посады вокруг? – вслух уточнил он. – А слободы окрестные, наверное, только валом земляным и частоколом окружены?

– Да хоть бы и одним частоколом, – вздохнул купец. – Не стеной грады крепки, а дружиною. Дружины же у великого князя токмо в городе сотен десять наберется. А коли бояр исполчит, так и все сто сотен наберет. И сие не считая союзников да данников. Да еще и Орда Василию в помощи никогда не откажет, вот тебе и все тридцать тысяч, коли не пятьдесят.

– Пятьдесят тысяч ему не один месяц скликать понадобится. А под рукой в неожиданный момент больше двух тысяч у великого князя не наберется.

– Хоть бы и так, атаман, – не стал спорить купец. – Ан все едино с тремя сотнями тебе Москвы не взять. Да даже и тридцатью сотнями не получится. Стены оборонять – оно всегда проще, нежели на штурм идти.

– Нужно тысяч десять, – настала очередь Егора чесать в затылке. – И не просто людей, а хороших воинов. От обычных крестьян в осаде пользы не будет.

– Ферштеен, – с готовностью подтвердил Острожец.

– Чему ты радуешься, Михайло? – разозлился князь. – Я у тебя совета спрашиваю, а ты токмо веселишься, что у меня даже в плане ничего не выходит! А ну, быстро мне говори, где десять тысяч бойцов под свою команду можно собрать?!

– Да знамо где, атаман. В Новгороде. Коли на торгу в било ударить да охотников кликнуть, то людишки лихие и подтянутся. Ушкуйников для набегов как еще собирают? Набатов да кличем громким. По две, а то и по три тысячи воинов легко откликнется. А коли добычу хорошую пообещать, так десять – не десять, а тысяч пять ратных собрать можно.

– Значит, Новгород.

– Так, да не так, княже, – вконец расслабившись, сел на перила перед Егором купец. – Чтобы люди поверили, под руку встали, слушались беспрекословно, славу нужно иметь немалую; известность воеводы опытного, умелого, успешного. Ты, признаю, славу себе сыскал, сказаниями об удачливости и ловкости твоей Земля полнится. Но токмо ты ведь на земле Русской первый год еще как проявился. Вроде как и успешен. А может, и повезло просто? Иные встать к тебе под руку рискнут – а иные и засомневаются. Опять же, для похода серебра немало требуется. Тебя же среди новгородцев никто не знает. Торговые люди – они осторожные и прижимистые, так просто и чешуйки² из кошницы не достанут.

– А ты?

– Моей казны не хватит и тысячу ратников снарядить, не то что десять, – развел руками Острожец. – Не так уж я и богат, как иным кажется. Тут от многих людей серьезных складчина нужна. Ты же ничем, кроме головы, за прибыль конечный поручиться не сможешь. А вдруг сложишь голову в походе? С кого тогда спрос?

– С тебя, – подмигнул ему Егор.

– Ну, для серебра моего поручительства, может, и хватит, – не стал отнекиваться купец. – Но вот охотников животы класть простым поручительством не примешь. Им надобно золото живое показать, дать его понюхать, пощупать, по добыче быстрой затосковать. Тогда они за тобою пойдут. А иначе – никак...

Разговор князя с купцом оказался долгим. Атаман ватажников не раз пугал Михайлу Острожца неожиданными для простого ратника знаниями – о крупных городах западных стран и населяющих их племенах, о том, что за северными морями есть никогда не замерзающие воды, о том, откуда и какие богатства приходят на новгородский торг. Однако и купцу пришлось поправлять князя Заозерского не единожды – поскольку тот нередко поминал морские порты несуществующие или совсем мелкие либо надеялся двигаться по непроходимым рекам и проливам.

Они проговорили до самого ужина, составляя план трудный, на взгляд Михайлы, – но все же реализуемый. Это было очень важно – ибо ловкому и знающему купцу в этом плане отводилась самая главная, первостепенная роль...

На ужин Острожец, несмотря на приглашение, не пошел: побежал доделывать отложенные ради беседы дела. Но куда более встревожило Егора то, что на ужин не явилась княгиня – хотя попить вместе с ватагой никогда не отказывалась. Елена стремилась при каждой возможности напомнить воинам, кто есть жена их атамана; послушать, о чем воины беседуют, чего хотят и что их беспокоит, и если не стать своей среди дружины – то таковой хотя бы

² Чешуйками назывались мелкие серебряные новгородские монеты – крохотные, как рыба чешуя.

казаться. А тут вдруг бац – и не пришла, не обмолвившись о том ни единым словом! Посему, наскоро перекусив, Егор помчался в ее светлицу – и застал супругу в полутемной комнате, освещенной одной-единственной чадящей лампадой. Елена забилась в самый угол, под иконы, накрывшись шубой, обхватив колени и судорожно грызя ногти. Увидев мужа, княгиня торопливо поднялась, повисла на шее, прижавшись щекой к щеке.

– Что с тобой, милая? – Егор крепко обнял ее. – Неужели ты из-за письма этого глупого так расстроилась? Плюнь и забудь. Я тебе клянусь, княгиня Софья еще извиняться перед тобой за него будет.

– Нет, это ты забудь, – положила ему ладонь на губы Елена. – Сгоряча, от обиды большой я тебе все наговорила и обещание глупое взяла. А в политике у обиды на поводу идти нельзя, губительно это – чувствам поддаваться. Коли с Москвой воевать начнешь, раздавит тебя князь Василий, охнуть не успеешь. Ему токмо удобнее выйдет, коли сам на расправу придешь.

– Ну, тут ты можешь не беспокоиться, – усмехнулся Егор. – Я велел гонцам сказать, что гнева великокняжеского испугался и вот-вот сам из Заозерья в Новгород уберу. А какой прок Василию поход затевать, если все само собой разрешится? Человек ленив. До осени он наверняка ничего делать не станет, потом новых вестников пошлет узнать, в чем дело. Я опять «испугаюсь». Нужно только очень честно обещать, что вот-вот, прямо сегодня все уже сделаешь, – и все искусство. Так резину можно не один год тянуть, поверь моему опыту. Сколько раз меня поставщики подобным образом мурыжили, ты даже не представляешь. Да и сам грешен.

– Это не поможет, – мотнула головой Елена. – Рано или поздно московская дружина все равно придет. Княжество разорят, тебя убьют, меня в монастырь постригут, в самый глухой и дальний. Пока Василий тебя за человека не признает, не будет нам жизни. Все время, как на нитке над пропастью. Ни здесь пожить, ни отъехать хоть на час никуда не получится. Коли Василий Московский не признает, то и прочие князья удельные тоже. Ни письма никому написать, ни в иные земли съездить, ни породниться... Ровно в порубе заперты здесь останемся!

– Ты просто устала, милая, – шепнул ей на ухо Егор. – Сегодня был длинный и трудный день. Пойдем лучше спать. Утро вечера мудренее.

Глава 2

Января 1409 года³

В самый полдень Сочельника, когда все нормальные люди готовятся к празднованию Рождества Христова, лес возле городка содрогнулся от оглушительного грохота, высоко в воздух взметнулось белое облако из снега, дыма и щепы, в котором темными пятнами мелькали еще и ветки, кора да земляные комья.

Впрочем, к тому моменту, когда любопытные, повыскакивав из изб и дворов, попытались разглядеть за крышами, что случилось, большая часть мусора уже опала на землю, а белесая дымка, медленно уплывающая вдаль над заснеженными кронами под рыхлые, точно вата, облака, издали была почти неразличима.

Где-то через час на ведущую от проруби к крайним домам тропку выбрались князь Заозерский и кузнец Кривобок – веселые, раскрасневшиеся и гомонящие в голос:

– Как оно жажнуло, княже, ты слышал? Я думал, у меня уши оторвет. Даже оглох ненадолго! Вот это...

– Да я сам не ожидал, что оно так шарахнет на черном-то порохе, – перебивал кузнеца Егор. – Думал, в овраге проверю, он ударную волну сдержит. А он все края обледеневшие сорвал, воронка вон какая здоровенная получилась!

– Деревья, деревья с корнями повырывало! И кусты все – аки корова языком слизнула!

«Десять метров в мерзлом грунте! – с восторгом подумал Егор. – Это уже не какой-то там «пороз», это настоящий фугас получился!»

Переговариваясь так, мужчины добрались до кузни, где князь откупорил плоскую медную флягу, зашитую в кожаный чехол, протянул мастеру:

– Давай, дружище, выпьем за удачу по чуть-чуть! Молодчина ты, не подвел. Теперь берись за работу. Игрушек этих понадобится много. Сколько сделать сможешь, столько и понадобится.

– Исполню все в точности, княже, не беспокойся! – Кузнец отхлебнул из фляги и крикнул от неожиданности. – Крепка, однако, твоя брага, княже.

– Молоко от бешеной коровки. – Егор забрал у него самогон, сделал пару глотков и заткнул пробкой. – И вот еще что, Кривобок. Я не спрашиваю, куда делись стволы, которые мы тут вместе изобретали. Все едино это не то, чего мне хотелось. Но чтобы про эти порозы... Никому ни единого слова, понятно? Ни продавать, ни хвастаться, ни даже показывать никому, кроме меня!

– Как скажешь, княже, – склонил голову кузнец.

– Не шучу, – с нажимом произнес Егор.

– Понимаю, князь, – кивнул Кривобок.

– Коли понимаешь правильно, будешь жить долго. И в хорошем достатке, – пообещал Егор. – Сегодня же приступай. Ты даже не представляешь, как мало у нас с тобой остается времени...

– Так Рождество же, княже! – возмутился кузнец. – Работать грех!

– Это завтра грех. А сегодня можно. И даже нужно, – рассмеялся Егор. Подумал и протянул флягу мастеру: – Вот, держи. Ты мне подарок к Рождеству сделал, и я тебе. С наступающим, Кривобок. И помни, я на тебя надеюсь!

³ С 1 января новый год на Руси стал отсчитываться только после реформ Петра I.

Во дворе уже полным ходом шла предпраздничная суета. Девки щипали гусей и кур, холопы украшали крыльцо и стены, рассыпали на утоптанном дворе свежее сено и солому, расставляли по углам снопы ржи и ячменя, чтобы привлечь в дом достаток. Подготовкой к празднику увлеклись даже ватажники и, переодевшись во все чистое, помогали вязать на перилах ленточки, раскладывать лапник, лепить из снега сторожей.

Веселая Елена встретила мужа сразу за воротами, поцеловала, закружила и шепнула в самое ухо:

– Я все придумала!

– Что?

– Как нам добиться признания от Василия, – широко улыбнулась она. – Потом расскажу. Не сейчас. Ныне надобно овец блинами покормить!

Своей идеей княгиня поделилась только поздним вечером, когда супруги, потушив свечи, устало лежали в постели.

– Знаю я, что делать, – распластавшись на Егоре, словно на тахте, сказала Елена. – Деревни нужно дальние от Москвы разорять. Грабить, жечь, смердов побивать.

– Зачем? – не понял Егор.

– У великого князя среди челяди не токмо Нифонт наш поганый прячется. К нему еще и царьки всякие татарские из Орды бегут, и бояре с княжичами литовские. Кто от гнева господина укрывается, кто с родичами в ссоре. Они по большей части при троне стоят, они и в походы ходят. Супротив Орды или Литвы беглецы сии отправятся с удовольствием, дабы за обиды старые отомстить. А ради крестьян простых носы в лесах морозить поленятся.

– Не понимаю, – покачал головой Егор.

– Чего тут не понять? – скатилась с него на простыню Елена. – Челядь будет князя склонять миром все решить. Послать письмо гневное, потребовать покаяться, виру за обиду заплатить и обид не чинить более. А нам, кроме сего, ничего более и не надобно. Коли князь к тебе с письмом обратился, ты уже не тать вне закона, а человек со званием своим. После сего можно за набеги виниться и даже крест Василию на верность целовать. Он после того и гневаться может, и милостью награждать, ан без повода, по прихоти пустой, ужо не повесит и с удела не погонит. То не по обычаю будет, не по старине. Опять же, коли он грамоту прислал, то и другим с нами можно знакомство водить...

– А если не напишет?

– Другое чего-нибудь придумаем, – беззаботно ответила Елена.

– Это же сколько крестьян попусту разорить придется, жизни лишить, прежде чем это понятно будет? Они-то тут при чем? С них даже взять, кроме живота, нечего...

– То ж смерды, Егорушка, – на этот раз не поняла княгиня. – Этих побьешь, новые народятся. Тем паче что не наши они, московские.

Егор даже спорить не стал. Слишком уж разное у него с женой было воспитание, понимание правильного и неправильного.

– Тебе чего, трудно? – придвинулась ближе Елена, погладила его ладонью по груди. – Ватага, вон, без дела мается. Скоро, мыслю, всех баб в селении перепортят. Пусть пользу приносят, нежели хлеб понапрасну переводить!

– Пока мы не трогаем Василия, он не полезет в Заозерье, – ответил Егор. – Нечего медведя попусту дразнить, а то как бы бока не наломал. Коли вместо письма дружину сюда пришлет, что тогда?

– Все едино пришлет. Софья упрямая, своего добьется. А коли забудет, так Нифонтка поганый напомнит.

– В этом деле лучше поздно, чем рано. На ближайший год вроде как отбрехали, а там посмотрим. Может, чего и переменится?

– Тебе что, плевать, что княгиня Софья меня словами погаными поносит и ровно кошку шкодливую носом в схиму тыкает?! – поднялась на локтях княгиня. – Плевать, что выродец поганый на стол наш зарится и от великого князя поддержку в том имеет?!

– Не наплевать. Но только крестьяне тут совершенно ни при чем! Пахарей ради пустого баловства резать не стану.

– Смерды ратников и слуг боярских кормят, на них вся сила княжеская держится! Каждая деревня сожженная – Василию разор.

– Мужики и бабы, дети их в деревнях этих не меньше нас с тобой жить хотят. И их кровь за просто так я проливать не стану!

Елена недовольно фыркнула и, резко скатившись к стене, накрылась одеялом с головой.

К разговорам о набегах на окраины Московского княжества Елена больше не возвращалась, и хотя время от времени начинала обиженно поджимать губы – за всю рождественскую неделю о Софье и Москве не вспомнила ни разу.

Однако праздники кончились, настало пятнадцатое января, лихоманков день, когда по многовековому обычаю по всей Руси крестьяне чистили курятники и заговаривали у ворожей лихоманку – причащаясь опосля от греха в церкви.

Ватажники, жизнь и судьба которых более иных смертных зависела от слепой удачи, были и суеверны более других – а потому заговоры и языческие обряды исполнили в точности. И в курятниках поработать не побрезговали, и нашептывания от болезней выслушали со всем смирением, послушно глотая медовые шарики с медвежьей желчью и подставляя бритые головы для помазывания тертой охрой. Отдав знахарку серебром, воины потащили полученные обереги в церковь Успения Святой Богородицы.

Егор был уверен, что священник прямо на пороге предаст их всех анафеме за впадение в язычество – но не тут-то было! И исповедь ото всех выслушал, и «кровью с плотью Христовой» причастил, и обереги благословил без малейшего колебания⁴. Без благословения остался только князь, не решившийся тащить колдовской амулет в христианский храм.

Завершив обряды, ватажники отправились на берег озера, развели костер и стали проверять обереги на надежность. Ведь хорошее чародейство даже дым от человека отводит, коли заговоренный в его клубы у костра встанет.

Пустив по кругу несколько мехов с вином, ватажники подбрасывали в пламя охапки сырой травы, нарытой из-под снега здесь же, по очереди выскакивали в темные плотные струи, а когда те уходили в сторону – под всеобщее ликование возвращались к друзьям, хватались за бурдюки, спешно заливая хмелем пережитый страх.

Погода для гадания задалась самая что ни на есть удачная – со слабым переменчивым ветром и ясным небом. Дым постоянно метался из стороны в сторону и в своей защите от болезней и гнилых ранений на весь будущий год остались уверены практически все.

– А ты, атаман, чего медлишь? – вернувшись от костра, подначил Егора Федька. – Давай, иди. Узнай, чего с тобой в будущем будет.

– Атаман! Атаман! Дайте дым для атамана! – подхватили его призыв и остальные ватажники. Кто-то, подскочив к костру, щедро швырнул в огонь остатки надранной окрест травы.

– Про будущее я и так все знаю, – попытался отмахнуться Егор, но к костру все-таки подошел. Не потому, что верил в гадание – а просто чтобы не разочаровывать своих бойцов.

⁴ Вопреки слухам о решительной замене язычества христианством еще князем Владимиром, новая и старая религии надолго составили вполне мирный симбиоз, при котором обряды свадеб или отпеваний священники и волхвы проводили вместе, языческие праздники получали христианское освящение, многие нательные амулеты вплоть до XVIII века имели на себе с одной стороны христианский крест, с другой – змеевик солнцеликого Хорса. Причем симбиоз сохранялся не только на бытовом уровне. В XVII веке святые отцы поместили языческий змеевик на иконостас Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры – и глазом не моргнули.

И правильно сделал: ветер внезапно стих, и дым, словно испугавшись подошедшего человека, устремился, аки по отвесу, вертикально вверх.

– Любо атаману! – восторженно заорали ватажники. – Любо атаману! Слава!

Мехи снова пошли по кругу, чтобы почти сразу окончательно опустеть. Забросав костер снегом, хмельные и довольные ватажники отправились на княжий двор, чтобы в жарко натопленном дворце припасть к обильному угощению. Проголодавшиеся мужчины торопливо рассаживались за столами, нарезали хлеб, тянулись к жареной рыбе и бочонкам с пивом, в которых плавали вместительные ковши.

Когда пир уже всюду разгорелся, в зал неожиданно вошла княгиня Елена в сопровождении двух дворовых девок, направилась во главу стола, троекратно расцеловалась с мужем, уселась на свое место по левую руку, придвинула к себе серебряный кубок. Егор, не дожидаясь, пока подбежит слуга, сам налил ей душистого смородинового вина.

– Ваше здоровье, храбрые воины! – произнесла княгиня. – Пусть руки ваши всегда будут крепкими, глаз зорким, мечи острыми, и пусть трепещет всякий, кто окажется на вашем пути! За вас, непобедимые витязи!

– За нас! За мечи! За храбрость! – и без того хмельные ватажники потянулись к качающимся в пене ковшам. – За атаманшу! Любо Елене! Слава!

Сама княгиня отпила совсем немного, цепким взглядом оглядывая собравшихся. Выждала, давая воинам выпить и немного закусить, и неожиданно громко спросила:

– Как прошло гадание, витязи? Будет ли с вами удача в грядущее лето⁵, будет ли с вами сила? Готовы ли вы одолеть любого врага, что покусится на честь вашу?

– Одолеем всех! Пусть только появятся! Только покажи! – с готовностью взревели сразу многие ватажники, снова потянувшись к ковшам: – Никого не страшись, атаманша! С нами не пропадешь! Любо Елене!

Егор насторожился: он пока не понимал, чего это затеяла жена на сей раз, но ничего хорошего не ждал. Говорить с ватагой через его голову – это было не к добру. Впрочем, внутреннее шмящее чувство Вожникова, предупреждающее об опасности, молчало. А значит – большой катастрофы не случится.

– Знаете вы все, други, – продолжала княгиня, – как недавно гонцы к нам из Москвы приезжали. Не поленился князь Василий вестников послать, нарочно для того, чтобы оскорбить нас с князем Егором как можно сильнее, чтобы словами мерзкими поносить, унижить, угрозами на колени поставить...

– У-у-у... – угрожающе загудели ватажники.

– Рада вам сказать, храбрые витязи, что муж мой твердою рукою решил покарать Василия за кичливость его! Ныне намерен он повести вас на земли московские, деревни и усадьбы тамошние разорить, девок в полон забрать, дома пожечь, серебро себе отобрать. Хватит ли у вас храбрости, други, наказать московитов, отучить их от зазнайства и грубости?!

– Ура-а-а!!! – восторженно взревели ватажники. – Накажем московских! Оттянем Василию нос до подбородка! В поход! В поход! На московитов!

Довольная собой Елена откинулась в кресле и с наслаждением, маленькими глоточками осушила кубок до дна.

– Вот ведь зараза, – только и выдохнул Егор. Правда, совсем тихо.

Момент для своего призыва княгиня выбрала донельзя лучше. Настроение после удачного гадания у ватажников было лучше некуда. Заскучав сидеть без дела, они рвались в поход, как просится наружу застоявшийся в стойле жеребец, а набег на беззащитные окраинные деревни и усадьбы близкого соседа никакой опасности не предвещал. Да еще и повод для

⁵ В устах человека XV века «лето» означало не только летний сезон, но и заменяло слово «год».

грабежа выходил вполне даже благородный: московский князь их атамана оскорбил. Надобно отквитаться.

Скажи сейчас Егор, что никакого похода не будет – ватажники его просто не поймут. Ушам своим не поверят. А упрется – вполне способны другого атамана себе выкликнуть и сами в набег на Московское княжество уйти. Ватага – это ведь не дружина. Для вольных охотников приказ – не закон, а повод проявить уважение. Потеряешь уважение – и приказы твои моментально в пустой звук обратятся.

Князь Заозерский поднялся, поднял свой кубок, большими глотками выпил вино и резко, с грохотом, поставил на стол:

– Десять дней на сборы! Мешки походные проверить, оружие наточить, одежду теплую приготовить, броню, у кого есть, перебрать. Через десять дней выступаем. С богом!

– Любо атаману! – вскочили со своих мест радостные ватажники. – Слава! Любо! В поход, в поход, в поход!!!

У Елены, не ожидавшей столь быстрого и легкого успеха, брови изумленно поползли вверх. Она опустила руку, торопливо нащупала ладонь мужа, крепко ее пожалала:

– Ты ведь не сердишься на меня, милый?

– Нет, что ты, любовь моя, – искренне улыбнулся в ответ Егор. – Ради тебя я готов на все, что угодно.

– Тогда пойдем? Я докажу, что ради тебя тоже готова на все. Вот увидишь, эти десять дней станут самыми сладкими во всей твоей жизни...

Хлопотливыми сборы в поход оказались только для Михайлы Острожца.

Ватажники, не владеющие ничем, кроме меча и топорика, много времени на перекладывание своего добра не потратили. Проверили, на месте ли фляги, подстилки да небольшой припас вяленого мяса на черный день; ножи да ремни, с помощью которых можно смастерить щит из любого чурбака, осмотрели одежду и обувь, заштопав прохудившуюся либо купив новую, постирали лишний раз портянки, приготовили чистую рубаху, чтобы надеть перед боем. День прошел – и готовы выступать.

Чуть больше сил ушло на приготовления у Егора. Князь Заозерский, забравший у кузнеца Кривобока неведомый груз, запрятанный под толстыми рогожами, долго колдовал над ним в одиночестве, заливая что-то воском, добавляя, примеряя и заматывая, прежде чем самостоятельно отнес странный припас в новенькие сани с широкими полозьями.

Купцу же пришлось позаботиться и о снеди для всех на время пути, и о палатках на случай непогоды, и о том, как доставить до цели мешки самих ватажников, и о том, чем кормить лошадей, которые потянут весь этот скарб. А также о телегах, что повезут фураж для самих лошадок.

Подготовка каравана – трудность немалая, не всякому по плечу и по карману. Тут дело такое, что ошибешься немного с расчетами по времени или провизии, попадешь вдобавок в нежданную бурю на несколько дней – и все, пропал безвестно. Только косточки твои другие путники разглядывать будут, мимо по своим делам проходя.

И все же задолго до рассвета двадцать пятого января одетые во все чистое ватажники, уже уложившие свои вещи на сани и подводы, заполнили оба здешних храма: и церковь Успения с чешуйчатой луковкой, и островерхую Фрола и Лавра. Егор с супругой отстояли заутреню в последней, причастились, вышли на воздух и здесь, на просторной паперти, князь торжественно распрощался с женой, троекратно расцеловав в обе щеки.

– Ты береги себя, любый мой, – неожиданно всплакнула Елена и торопливо закрыла лицо платком. – Возвращайся скорее, Егорушка. Я ждать буду.

– Вернусь, – решительно ответил князь, мысленно уже находившийся далеко в пути, и сбежал по ступеням на мерзлую землю. – Что говорить положено в таких случаях? По коням? Вперед, мужики! Отчаливай!

«По коням», конечно же, не получилось. Ушкуйники, привыкшие путешествовать на корабельных скамьях, в седло не рвались. Да и набрать разом три сотни свободных скакунов в Заозерском княжестве было не так уж просто. Посему воины, кто обняв напоследок остающихся друзей и подруг, а кто и вовсе ни на кого не оглядываясь, поспешили к обозу пешими, пристраиваясь либо между возками, либо позади, а некоторые гордо обогнали череду из полу-сотни саней и телег и зашагали во главе длинного поезда.

Первый день пути от рассвета и до заката путники двигались по льду Вожи на север, миновав Еломское озеро и устье реки Тяжбы. Никого из путников это не удивило. Лучше уж сделать крюк длиной в два дня пути, но проехать по ровному льду, превратившему в удобный тракт все затоны, реки и бездонные болота, нежели ломиться напрямик через овраги, холмы и чащобы, рискуя переломать ноги людям и лошадям и пробиваясь в день по две-три версты вместо двух десятков. Однако, когда на третий день обоз вместо Чепцы повернул на широкую, почти прямую руслом и опущенную по берегам камышовым мехом Свидь, среди ватажников возникло недоуменное роптание.

– Э-э! Куда мы идем? – слышались выкрики сразу из нескольких мест обоза. – На Москву вроде как на юг надоть, не туда повернули!

– А чего ты там забыл, в Москве-то? – услышав ропот, сразу повернул к недовольным Егор. – У тебя там что, родичи? Или детишки в лукошке плачут?

– Дык, вроде как обещали княгине деревни московские по окраинам пожечь, – напомнил густобровый пожилой ватажник.

– Ты кого в атаманы себе выкликал – меня али бабу мою? – рассмеялся князь Заозерский. – Кого из нас с женой слушать собираешься?

– Дык, добычу она вроде как обещала, – смутившись, уже не так уверенно сказал густобровый.

– Какая на крестьянском дворе добыча, дружище? – громко, для всех, спросил его Егор. – Да ни один из смердов серебра отродясь не видел! И взять с них, горемычных, окромя баклуши да голодного поросенка, нечего. Так что, если кто желает повеселиться да пару овинов для согрева запалить, я того не держу. Шексна под ногами, путь к порубежью московскому известен. Ну, а кто хочет золотишком тяжелым разжиться, да в Новгороде опосля хорошенько гульнуть, тому советую за мной идти и вопросов лишних не задавать!

Протест погас в зародыше. Менять золото на свинью и недоделанную ложку желающих не нашлось. И по широкому наезженному зимнику ватага послушно двинулась на север, все дальше и дальше, в неведомые даже для многих русских края: через озеро Лача на Онегу, потом долгими днями по широкому речному руслу, прорезающему бесконечные леса, до Онежской губы, по ней до сонной Кеми, скучающей за крепостными стенами возле длинных пустых и замерзших причалов, а там, после двух дней отдыха, снова вперед, по морскому припаю вдоль близких берегов, снабжающих путников на ночь дровами и лапником для лежек.

День тянулся за днем, заливы и отмели сменялись другими отмелями и заливами – а обоз все тянулся и тянулся в бесконечную ночь, подсвеченную лишь таинственными разноцветными всполохами, гуляющими среди темных небесных чертогов.

Февраля 1409 года

Бунт вспыхнул неожиданно – как, впрочем, и полагается стихийному народному возмущению. Вроде как только что устало жевали кашу со свининой – ан уже стучат ложками и ножами по опустевшим котлам, громко выкрикивая:

– А-та-ма-на! А-та-ма-на! Атамана слышать хотим! Атамана сюда!

– Все-таки не доехали, – разочарованно поднялся Егор.

Он, один из немногих, ел из тарелки, обосновавшись вместе с купцом, преданным Федькой, Линею и Тимофеем Гнилым Зубом возле одного костра.

– Что такое? Чем недовольны? – вскочил паренек, схватившись за рукоять сабли, но Егор положил руку ему на плечо:

– Я сам... – Он без опаски направился к шумящим ватажникам, остановился в свете костра: – Вот он я, други. Завсегда вы мне верили, и я вас никогда в ожиданиях не подводил. Так чем же вы ныне недовольны?

– Идем месяц цельный неведомо куда! Ни жилья, ни людей давно не видим!

– Обещал серебра и злата, а завел в пустыни неведомые! Дня белого, и того более не стало! – по очереди выкрикивали ватажники со всех сторон. – Сказывай, куда ведешь?! Не в ад ли ты нас тянешь, души наши дьяволу продав?!

– Я обещал вам золото, други?! – выкрикнул в морозный воздух Егор. – Вы его получите!

– Откуда здесь золото, атаман? – выступил вперед Антип Черешня, кутаясь в длинный облезлый тулуп. – Погостов с мертвецами и то вторую седмицу не встречали! Откель тут золоту появиться? Зачем мы притащились в сию мертвую землю? Почему просто не пожгли деревень московских, как жена твоя советовала?

– Я же сказывал, други. С черных смердов никакой добычи не собрать. Напрасная трата сил и времени. Богатую казну нужно искать в городах, а не под деревенскими лавками.

– Ну, так и надо было на город какой-нибудь идти! На Булгар там, Казань, али на Жуко-тин!

– Ты глупец, Антип, – послышался спокойный голос из-за спин недовольных воинов. Как оказалось, ватажники возмутились не все. Осип по прозвищу Собачий Хвост преспокойно сидел возле котла и старательно выскребал с его дна остатки каши. – Взять-то ты Булгар, может, и возьмешь, да только как оттуда выберешься? Реки замерзли, по воде не скрыться. Пеших же догонят да вырежут всех до последнего. Обоз с добычей и полоном ползет медленно. Конница тебя на второй же день перехватит. – Осип старательно облизал ложку и звучно постучал ею себе по лбу: – Хорошо, не ты у нас в атаманах, дурья твоя башка. Угробил бы давно, и мякнуть не успели.

– Что там зарежут, что здесь сгинем в безвестности, один бес пропадем! Где мы, атаман? Куда ты нас завел?!

– Земли сии Гипербореей называются, – подошел на помощь атаману Михайло Острожец. – Родина колдунов сильнейших и богов греческих. Чудесны же они тем, что главный день и главная ночь в здешних местах по два месяца тянутся, а небо светится чудесным образом, как в других краях не бывает. Седмицу нам еще идти надобно, чтобы до цели добраться. Там и отдохнете.

Ватага снова загудела, но уже не так возмущенно. У людей наконец-то появилась некая определенность.

– Скажи хоть, куда ведешь, атаман?! – выкрикнул из толпы крупноносый воин в рыжем лисьем малахае и с такой же огненной бородой.

Егор осмотрелся по сторонам, оглянувшись на купца:

– Я так полагаю, тут проболтаться уже некому? До шведов гонца с предупреждением никто не пошлет?

Острожец только рассмеялся.

– Вот и я так думаю, – кивнул Егор и громко признался: – Упсалу мы идем брать, столицу шведскую! Как по-вашему, где серебра больше найдется, в городе стольном али в деревенской избе? Вот то-то и оно!

Это известие вызвало у путников взрыв бешеного восторга. Недоверие разом смыло, словно набежавшей волной, некоторые ватажники стали обниматься, кто-то крикнул:

– Любо атаману! – и все остальные подхватили его клич: – Любо! Любо!

Только Черешня, пытаясь сохранить лицо, буркнул:

– Отродясь никто из Новгорода зимой на свеев не ходил...

– Ты сам-то понял, что сказал, Антип? – во весь голос переспросил его Егор. – Раз никто зимой на них ранее не ходил, это значит, что и нынешней зимой они нас не ждут!

Поутру обоз бодро двинулся через льды. Узнав о лакомой цели, воины поспешили вперед так резво, словно отдыхали целую неделю, и постоянно понукали давно выдохшихся лошадей. Однако и те послушно ускоряли шаг: большая часть провизии и фуража уже успела переместиться в животы, и повозки заметно полегчали.

В середине дня на берегу неожиданно обнаружилась деревенька в три десятка дворов, стоявшая на холме над длинными причалами. Острожец повернул к ней, но останавливаться не стал – не хотел терять времени. Путевой день не закончился, а хорошо отдохнуть большому отряду тут все равно было негде.

Накатанный тракт скользнул между избами и повел путников дальше в поросшие темными борами холмы.

– Вижу, мы все-таки не в аду, атаман, – заговорил с Егором нагнавший головную телегу Осип Собачий Хвост. – И здесь люди живут.

– Так и в аду люди живут, – кивнул заозерский князь. – Очень долго живут. Если Библия не врет, все мы в этом когда-нибудь убедимся.

– Думаю, там все же изрядно теплее будет, атаман, – зябко поежился под стеганым тегиляем ватажник. – По такой погоде иногда прямо хочется на сковородке с маслицем погреться.

– Типун тебе на язык! – торопливо сплюнул и перекрестился Острожец. – Накликаешь еще...

– Так все едино там будем, Михайло, – небрежно отмахнулся Хвост. – Крестись, не крестись. Ты мне вот что скажи, гость торговый, как ты собираешься нас в Упсалу провести? Мы ведь здесь все ушкуйники, под парусом родились, на банках гребных выросли. Море Варяжское зимой тоже замерзает, купец!

– Под хреновым парусом вы родились, ушкуйник, – осклабился Острожец. – Море, знамо, подмерзает, да только не все. Обычно токмо до Луги или Наровы. Редко когда до Коляваня⁶. Остальное же оно свободно. От Новгорода туда хода нет, это верно. Ан со стороны датчан – так иной раз аж до Або⁷ в январе можно доплыть.

– Это да, – зачесал в затылке Осип. – Как-то не подумал. Ан все едино: как мы в него через замерзшие моря попадем?

– А тебе думать и не надо, – посоветовал купец, – у вас для этого атаман имеется. Он про таки вещи вспоминает, про каковые вроде как все и знают, да в голову себе не берут. Тебе название Териберка⁸ о чем-нибудь говорит?

⁶ Колявань – ныне город Таллин.

⁷ Або – ныне город Турку.

⁸ Териберка – населенный пункт, по-своему уникальный. Будучи на протяжении своей истории всего лишь небольшой деревушкой и никак не отметившись в летописях, он тем не менее обозначен на всех старинных мореходных картах Европы.

– Вот, черт! – схватился за голову ватажник и остановился. – Как же я сразу не догадался?!

Марта 1410 года *Териберка*

Среди голых заснеженных холмов, из которых тут и там, словно обломки костей, выпирали глянцево-серые камни, человеческое селение совершенно терялось. Дерево в здешней тундре являлось большой ценностью, а потому дома, заборы, сараи, конюшни, причалы – все было сложено из камней. Деревянными оставались только крыши – ныне надежно спрятанные под толстым белым покрывалом. Вдоль берега лежали еще несколько сугробов странной формы – однако торчащие из них высоко вверх составные мачты позволяли сразу догадаться, что именно замели хлесткие северные ветра.

Жилые строения выдавали себя сизыми дымками, тянущимися из труб. Сюда, на самый край Земли, не добирались мытари ни княжеские, ни новгородские, податей на каждую трубу никто не налагал – а потому и топить «по-черному» никакого смысла северянам не имело. Ни в домах, ни в банях, ни в мастерских, в коих мореходы правили свои снасти и детали корабельной оснастки.

Териберка не была богатым поселением. Нищая тундра хотя и приносила промысловикам ценные песцовые шкурки, но большим прибытком не одаривала. Правда, здешние заливы и реки были щедры на самую разнообразную рыбу... Да вот беда – сбывать ее рыбакам не получалось, некому. Свое население маленькое, а на Большую землю везти далеко.

Казалось бы, и нет никакого смысла людям здесь оседать – ан наградил северный океан здешний порт уникальной особенностью: незамерзающим морем. Сам залив, конечно же, заковылся в ледовый панцирь с первыми холодами – однако чуть дальше, за белой полосой припая, даже в самые суровые морозы качались открытые соленые волны. Каждый год на долгие зимние месяцы Териберка превращалась в единственный порт, через который огромная Русь могла поддерживать связь с внешним миром.

Разумеется, путь сюда был дальний и очень неудобный. Но если уж случилась у человека нужда отправиться в западные страны, не дожидаясь весны, – хочешь не хочешь, а к здешним причалам доберешься. Длинный, но безопасный путь. Ехать через Литву, Польшу, Священную Империю, может статься, и ближе – однако порезанная многими границами, раздираемая постоянными войнами и знаменитая грабежами Европа могла показаться удобной дорогой только человеку с очень маленьким багажом и длинным, хорошо тренированным клинком.

Укрытая бархатистой полярной ночью, освещенная широкими небесными сполохами Териберка спала, и даже прибытие длинного ратного обоза не смогло потревожить ее покоя. Ватажники, вымотанные полуторамесячным переходом, разомлевшие после бани и принявшие с устатку по паре ковшей крепкого хмельного меда, спали, словно младенцы, вопреки обыкновению не затеяв ни споров, ни драк. Князь Заозерский тоже спал, завернувшись в громадную шкуру белого медведя, на полатах в доме Игнатия Трескача – местного старосты и самого богатого из здешних купцов.

Сам Игнатий, в толстой вязаной фуфайке из небрежно выделанной шерсти, сидел возле открытой печи, в которой полыхал то ли высушенный, то ли вымороженный топляк, и привычно увязывал мозолистыми пальцами крученный из конского волоса шнур в крупную ячею. Лицо северянина было таким же грубым, как и ладони – шершавым, словно покрытым мозолями. Пробить такую шкуру мог только крепкий и толстый волос – потому и борода у Трескача оказалась короткой и реденькой, неразборчивого цвета, да еще и с проседью. Напротив хозяина устроился на табурете Михайло Острожец и, подставляя лицо идущему от огня жару, не забывал убеждать старосту:

– Верное это дело, друже. Я в успехе настолько уверен, что, видишь, сам с ватагой иду, а не просто серебро вкладываю.

– Атаман Егор... Важников-Ватажников... – напряг память северянин. – Не-а, никогда не слышал.

– Откель же тебе услышать в этой глухомани, коли он всего год назад на Волге объявился!

– Год назад объявился-то, ан я ему зараз все свои корабли и живот в придачу доверить должен? Ты пошто смехом-то зовешь, Михайло? Так дела не делаются, – покачал головой Трескач. – Не дам я вам ни кочей, ни кормчих своих. Загубите-то вы их, с чем тогда останусь?

– А на что тебе кочи, Игнатий, коли на берегу гниют? Корабль доход приносить должен, а иначе его и строить ни к чему.

– Так и приносят-то, Михайло, о том не беспокойся. Не гляди, что снегом занесены. Причалы ныне, может, и пустуют-то, ан тракт, сам видел, накатан. Че ни седмица, путники богатые али люди торговые с дорогим товаром сюда добираются-то, за перевоз звонким серебром платят. Прибыток, статья, и небольшой, да надежный.

– Коли рисковать не хочешь, купец, – пожал плечами Острожец, – тогда продай кочи. На себя все страхи забери.

– Кочи бы я, может-то, и продал, – сказал северянин. – Будет лес – вместо старых новые настругать недолго. Да вот кормчего-то хорошего из бревна не вырежешь, кормчего-то сорок лет растить надобно, ан еще неведомо, каковым станет. Научится море чувствовать – али токмо по спискам отцовским мимо берегов ползать сможет? Без кормчих любые ладьи лишь на дрова годятся. Кормчих же тебе отдать больно дорого-то выйдет. Коли не вернуться, мне тогда разве в монастырь-то уйти останется, грехи пред семьями их замаливать.

– Хочешь сказать, три сотни ватажников, что сюда больше месяца через земли ледяные шли, ныне из-за сумнений твоих назад повернуть должны? Трудно им такое сказать будет, – задумчиво произнес Острожец. – Могут обидеться...

– Ты, на-ко, угрожаешь мне, Михайло? – остановив плетение, поднял голову северянин.

– Нет, Игнатий. Это я так, грущу. Не понимаем мы друг друга. А ведь так хочется добром все решить. Хватит уже цену набивать, друже. Скажи прямо, сколько ты за кочи свои с командами просишь? Письмо тебе закладное напишу, и оба довольны останемся.

– Ужа вместо серебра звонкого ты теперь пустую грамотку предлагаешь?

– Ты шути, да палку-то не перегибай! – повысил голос Острожец, мгновенно став из ласкового собеседника суровым мужем. – Наш род в Ивановском сто вторым коленом уже стоит, и еще ни разу никто в бесчестности нас не обвинял! Даже если меня завтра море сожрет, по отписке моей серебро в любой час завсегда отпустят без единого промедления! Цену свою говори, Игнат, и покончим с этим!

– Не так просто с сим определиться-то, Михайло, – в задумчивости вернулся к плетению сети Трескач. – И тебя обидеть, прямо молвлю, не хочется. И самому без дела остаться-то не с руки...

Тут внезапно распахнулась дверь, и в облаках белого пара в дом вломились сразу полтора десятка человек как безусых юнцов, так и мужиков с заиндевевшими бородами. Меховые куртки и штаны, сшитые с сапогами из оленьей кожи в единое целое, выдавали в них местных жителей – на Большой земле никто и нигде так не одевался.

– Атаман ватажный-то у тебя, рассказывают, Игнатий? Верно-то?

– Здесь я... – проснувшись от шума, сел на полатах Егор, глядя на незнакомцев сверху вниз и пытаясь незаметно нащупать в складках шкуры пояс с оружием. – Чего надобно?

– Челом тебе бьем, атаман! – Мужики один за другим скинули шапки. – Возьми-то нас в ватагу свою! Честь по чести служить-то тебе будем, любую волю исполнять станем, ровно отцовскую! Не гляди, что не воины. Храбрости любому-то из нас не занимать, море Ледовитое трусов не носит. А гарпуном из нас каждый гусю-то в гузку со ста шагов попадет.

– На-ко Клим! Волох! Гагар! – в изумлении поднялся со своего места северянин. – Вы, никак, обезумели-то все разом? О, проклятие... Да вы пьяны!

– Они Упсалу-то брать идут, кормчий! Саму Упсалу свейскую! За один поход каждый-то больше серебра поимеет, нежели мы всем обществом за всю жизнь добываем! – перебивая друг друга, горячо заговорили северяне. – Богачами знатными-то враз станут!

Похоже, попиrowsавшие после бани ушкуйники провели среди местных обитателей неплохую «воспитательную работу». Похвастались своей веселой жизнью, про неудачи умолчали, а успехи и доходы приукрасив, насколько совести хватило.

Причем с совестью у речных разбойников, как известно, не очень...

– Пожалуй, кормчих я себе как-нибудь найду, Игнат, – нагло осклабился Михайло Острожец. – Мне бы теперь токмо кочами разжиться, об остальном не беспокойся.

– Леш-ш-шой... – не выдержав, аж зашипел на своих земляков Трескач. – О добыче-то они вам, стало быть, сказывали? А о виселице-то для татей, случайно, не помянули? Чем они с кочей наших-то воевать намерены? Нет? Так спросите, олухи-то! Скажи нам, атаман, как мимо Стекольны-то к Упсале прорываться намерен, ничего, однако, окромя луков и гарпунов-то, не имея? Свечи в ту крепость и самострелов, и пушек огненных немало уже поставили-то. Этаких бахвалов токмо и ждут.

– Стекольна? – удивился Егор, прыгнув с полатей с поясом в руке. – То есть Стокгольм? А его разве уже построили?

– Ужа-то, вы это видели?! – всплеснул руками северянин. – Незнамо куда с сотней хватунишек-то рвется и ни о чем даже-то не спрашивает! Да Стекольну еще ярл Биргер отстроил, дабы озеро-то Меларен от набегов русских оборонить. С тех самых пор до Упсалы еще никому-то добраться не удавалось.

– Михайло, я же спрашивал, где сейчас у свеев столица? – попытался разобраться в этой несуразности князь Заозерский. – И ты мне сказал...

– Нет, княже, Стекольна город большой, никто не спорит, – повернулся к нему Острожец. – На четырнадцати островах стоит, крепость там сильная, порт большой. Да токмо в нем немцы ганзейские заправляют, свеем никакой воли не дают. Короли тамошние в нее даже не заглядывают, ибо позор изрядный. Какой же это стольный город, когда у тебя власти в нем никакой?

– Ганзейские купцы? – восторженно спросил Егор. – Так это как раз то, что надо! Уж кто-кто, а они на нехватку золота никогда не жаловались.

– Па! Вы посмотрите-то на него, други! – обратился к своим землякам северянин. – Он ни про Упсалу-то, ни про Стекольну ничего не знает, ан уж с ходу одолеть собирается! Пустозвон-то он и трепач. На-ко, как вы токмо подумали свои головы ему доверить?

– Как ты меня назвал? – Князь выдернул из ножен саблю и вскинул перед собой, наставив Трескачу в горло. – Повтори, я не расслышал.

– Постой, постой, княже, не гневайся! – метнулся вперед Острожец, выдернул своего знакомого из-под клинка, быстро вытолкнул за дверь и выскочил следом. Постучал кулаком северянина по лбу: – Жить надоело, Игнат? Это же не боярин княжий, это ватаги ратной атаман. Ушкуйники глупца и труса за родовитость одну в жоаки себе не выберут. И рубиться он умеет без жалости, и города брать. И жену свою из невольниц в княгини на Воже-озере посадил.

– Анде как же так-то можно, Михайло? – растерянно спросил северянин. – Он же не ведает, не понимает-то ничего вообще! Куда идет, на кого-то, с какой силой столкнется-то? Ты же с ним, ровно-то с писаной торбой, носишься!

– Удачлив он, Игнатушка. Везуч. А везение, сам знаешь, любое умение и талант ратный переплюнуть способен, – развел руками Острожец. – Потому на него капитал весь и ставлю. Странен наш атаман. Иной раз простых вещей не понимает, а порою никому не ведомые тайны определяет с легкостью. И везуч, везуч бесов сын до невероятности!

– Удача-то, она капризуля, – Трескач, зачерпнув снега, отер лицо. – Сегодня она здесь-то, ан завтра отвернулась.

– Вот и нужно за хвост ее хватать, пока рядом, – похлопал северянина по плечу Острожец. – Не тебе меня учить, как верно серебро пристраивать. Вот посмотри на себя. Так хорошо начинал, все в твоей власти было. И гляди, до чего доторговался? Ни кормчих, ни кочей, ничего ныне во власти твоей. Порешит тебя князь во гневе – и никто его не осудит. Сам ведь язык распустил, оскорблять начал... – Купец поежился, похлопал себя ладонями по плечам: – Ой, не поболтаешь тут у вас на воздухе. Холодно... – И Острожец нырнул обратно в дом.

Трескач вошел следом, поклонился:

– На-ко, лешшой... Не гневайся-то, княже, не хотел ничего-то обидного молвить. От и Михайло-то сказывает, ему ерунда-то какая слышалась. Ан я ведь-то ни единого плохого-то слова не сказывал. Про решительность-то твою молвил да про преданность тебе-то воинов твоих. Балуеть ты их, наверное-то, много, коли так преданы все до единого.

– Видать, и вправду слышалось, – опустил клинок Егор, который тоже не особо жаждал проливать человеческую кровь. – Бывает. Так что с кочами? Корабли ты нам дашь?

– Имею о сем две оговорки-то, княже, – хмуро ответил северянин. – На море-то я команду, и никто более. Слушать меня с первого слова-то без пререканий.

– Тебя слушать? – не понял Егор. – Ты что, с нами хочешь поплыть?

– Мне без кораблей-то своих делать на земле-то нечего, – обреченно махнул рукой северянин. – Охти-мнециньки! Продать-то их вам – без кочей останусь. За долю отдать – опять-то без кочей. Загубите в походе-то – тем паче без них. Как ни крути, все едино выходит-то сиротой без дела маяться. Уж лучше-то вместе с ними пропаду, коли-то жребий такой выпал.

– Какое условие второе?

– Обычное. На корабли-то половина добычи.

– Одну пятую, – отрезал атаман.

– Анде как же пятину, коли-то завсегда хозяину снаряжения...

– Не торгуйся, Игнатий, – качнувшись вперед, посоветовал северянину на ухо Острожец. – Плохо это у тебя получается. Прогадаешь.

– Охти-мнециньки... Ладно. Пятину, – смирился Трескач.

– По рукам? – Егор протянул ему открытую ладонь.

– Погодь, – северянин снял с крюка у двери меховую куртку. – Сперва-то схожу, погадаю.

Атаман с купцом переглянулись, Михайло пожал плечами. Остальные мужчины посерьезнели и расселись по чурбакам, скамьям и табуретам возле стола.

Хозяина дома не было долго. Наконец после длинного тонкого завывания, он сильным ударом толкнул дверь, тут же отряхнулся, громко хлопая себя по бокам.

– На-ко ты впрямь удачлив, ушкуйник-князь, – провозгласил Трескач. – Петухи-то с коровами спят, из свинарника-то ни звука, Полунощник на первую же зарубку-то откликнулся. Твоя взяла, поутру-то отправляемся. Эй вы, дармоеды! – прикрикнул северянин на земляков. – Ну-ка, бегом корабли чистить! Трюмы проверьте, масло-то и припасы походные. Для гостей наших-то еды загрузите на восемь седмиц-то пути, и льда пресного с озера-то нарежьте. Снасти подтянуть, паруса просалить... Ну, вы и сами-то знаете. Бегом, бегом, что расселись-то, как клуши вяленые?!

Мужчины, поднявшись, заторопились к выходу.

– И когда у вас утро наступает, Игнат? – поинтересовался Острожец.

– А как выспимся-то, так и утро, – ответил Трескач. – Ты тоже-то на берег ступай да указывай, какие из повозок-то твоих на борт выгружать, а каковые-то под скалой можно оставить. Мне, чего там у тебя под рогожами, неведомо...

Исходя из определения северянина – утро для Егора уже наступило. Поэтому забираться обратно на полати он не стал. Не спеша оделся, не поленившись натянуть и меховые штаны, и войлочный поддоспешник, и теплый волчий налатник, водрузил на голову лисий треух, подозрительно похожий на плохо скроенную ушанку без завязок. И тем не менее, когда вышел,

заполярный холод моментально пробрал его до костей, всасываясь в рукава и за воротник, пробивая тонкие подошвы сапог.

Северяне же, наоборот, куртки посбрасывали, торопливо готовя кочи к плаванию. Расчищенные от снега, знаменитые северные корабли больше всего напоминали пузатые торговые ладьи, но поставленные на толстые полозья – мощные брусья шли под брюхом справа и слева от киля, без всяких стапелей удерживая вытасченный на берег корпус в ровном положении. К борту были прислонены широкие сходни с набитыми на них поперечинами, и моряки как раз закатывали по ним бочки с неведомым содержимым. Здесь же стояли сани с мороженой курятиной – видимо, ее тоже предполагалось перегрузить в трюм.

Затянув бочки наверх, северяне замялись, после чего большинство пошло к саням, а трое мужиков, отделившись от прочих, старательно оправались, одергивая фуфайки и подтягивая пояса, раскатывая рукава и притоптывая коричневыми мохнатыми бахилами. Затем двинулись к Егору, остановились в трех шагах, торжественно поклонились:

– Не вели казнить, княже, вели-то слово молвить. Интересуется общество, даровал ли ты нам-то милость прошеную, принял ли мужей местных-то в рать свою, супротив схизматиков собравшуюся?

Судя по витиеватости слога, речь моряки готовили заранее. И уже успели узнать, что он не просто ватажник, а самый настоящий князь... Хотя Василий Московский и придерживался прямо противоположного мнения.

Егор задумался. Расхрабренные северяне, как ни крути, были людьми мирными. Промысловики, рыбаки, охотники. Привычки резать глотки без колебания не имели. Однако же понимал атаман и то, что хороший стимул сделает моряков куда более старательными работниками. Да и дел на войне даже мирным людям всегда хватает.

– Передайте обществу, в равных правах с прочими ватажниками идут, – решил он. – Но только на берегу и при сечах слушать меня, как отца родного! Любой приказ исполнять, как бы страшно это ни было!

– Не сомневайся-то, княже! – обрадовались мужики. – Мы к порядку привычные-то. Не подведем!

Они уже собирались вернуться к остальным, когда Егор спохватился:

– Стойте! Первое поручение у меня уже есть. Груз у меня особый с собой. Надобно его на то судно погрузить, на котором я со старшим кормчим пойду.

– Все сделаем-то, не беспокойся, княже, – заверил средний из мужиков, чернобородый и с бритой головой, кивнул соседу, такому же чернобородому, но с белой выцветшей кожей и глубоко сидящими узкими глазами: – Гагар, проследи.

Егор усмехнулся. Он почему-то думал, что Гагаром местный купец кличет большеухого и веснушчатого мальчишку лет семнадцати, с голубыми, как у Елены, глазами.

– Клим, с нами-то пошли! – махнул рукой мужчина.

Бросив рогожу с курятиной обратно на сани, на призыв подбежал тот самый лопухий паренек:

– Че звал, дядя Гагар?

– Пойдем, князь нам возок-то особый покажет. Товар из него на Бычий коч перегрузить-то надобно.

– Надо – погрузим, – деловито подтянул штаны мальчишка.

– И ты тоже гарпун метать умеешь? – спросил его Егор, направляясь к собравшемуся под обрывистым склоном ближнего холма обозу.

– А как же! – стараясь говорить низким голосом, подтвердил паренек. – У нас, поморов-то, каждый муж сему искусству-то сызмальства обучен.

– Так вы поморы?

– По морю-то ходим. Стало быть, поморы.

– Логично, – согласился Егор. – А кто такой Полунощник, ты знаешь?

– Ветер, что на север-то и закат дует. Под него из бухты выходить-то зело удобно, и в море отправляться. А ты отчего-то спрашиваешь?

– Да купец ваш, Трескач, сказывал, будто тот ему откликнулся. А я все не мог понять, кто это такой?

– Тс-с-с! – прижал палец к губам паренек. – Про то вслух-то не сказывай. Погоду спугнешь!

– Да? – вскинул брови Егор.

– Люди сказывают, род Трескача колдунам-то лопарским души баб своих продал в обмен на дощечку-то ветряную, – громко прошептал Клим. – С тех пор когда они в море ветер-то зовут, Шелонник там, Обедник, Побережник, али еще какой, те откликаются и на помощь приходят. А бабы у них в роду-то все злющие. Оно и понятно, коли-то бездушными растут. Их токмо ради приданого рыбаки замуж и берут. Иначе все до единой-то в девках бы ходили!

– Так у вас что, каждый ветер имя свое имеет? – атаман остановился возле саней с порожами.

– А как же! Мы к ним со всем-то уважением. Но токмо зазря вслух лучше-то не поминать. Услышат – придут все вместе, буря-то случится. Буянить до тех пор станут, пока-то не разберутся, кому оставаться, а кому за море уходить.

– Вот эти игрушки мне нужны будут в походе, – указал на рогожу Егор. – Вещи хрупкие, вы с ними осторожнее.

– Не беспокойся, княже. Даже снежинки-то с добра твоего не слетит. Мы свое дело знаем.

Это было правдой. За считанные часы поморы привели в порядок и полностью загрузили пять кочей, три из которых были двухмачтовыми, в полтора раза крупнее новгородских немаленьких ладей. Когда низкое северное солнце скатилось за горизонт – маленький флот порта Териберка уже был готов к выходу в дальний опасный поход.

Новым днем вошедший в раж купец Трескач поднял и своих земляков, и ратных гостей еще затемно. За неимением просторной церкви вывел всех к поставленному на берегу кресту, сам же прочитал молитву, призывая милость Христа к себе, своим спутникам и их начинанию, после чего все вместе люди отправились к кораблям.

Сходни с бортов были убраны, вместо них висели широкие веревочные лестницы.

– Нам бы только-то их с места сдвинуть, – деловито поплевал на ладони идущий слева поморец. – А там сама пойдет.

Облепив кочи, словно муравьи, по команде Игнатия люди дружно навалились на борта первого корабля, самого большого:

– На велику силу дружно, поднатужились!

Послышался треск, огромная крутобокая туша дрогнула, чуть двинулась, разрывая ледяную корку, приклеившую ее к берегу, и дальше действительно сама с легкого уклона заскользила на лед бухты. Ватага перешла к соседнему кочу, нажала – и тоже с первой попытки столкнула с места. К тому моменту, когда утренние лучи осветили горизонт, команды уже торопливо забирались на палубы. Хотя Егор никак не понимал: зачем? Ведь суда пусть и не находились на берегу – но все равно на воду спущены не были, стояли на льду.

– Поднять паруса! – закричал Трескач, направляясь к кормовому веслу. Местоположение кораблей его, похоже, ничуть не волновало.

Егор открыл рот... И тут же закрыл, вспомнив, что на коче обещал во всем слушаться кормчего.

Поморы тем временем потянули канаты, разворачивая на мачтах белые полотнища. Те тут же выгнулись под порывами попутного ветра, скрипнули – скрипнул и лед под днищем. Коч качнулся, зашипел полозьями, заскользил по жалобно трещащему припаю, стал неожиданно резво разгоняться. Берега бухты поползли назад, корпус пару раз подпрыгнул на низких торо-

сах, высек бортом белую крошку из стоящей торчком льдины, выскочил из бухты в открытое море, буквально долетел до края ледяного поля и с плеском врезался в пологую длинную волну.

Игнатий тут же переложил руль, уходя в сторону, медленно двигаясь вдоль кромки льда. Дождался, когда с припая на воду соскользнут остальные корабли его полярной эскадры.

Операция «отчаливания» прошла без накладок, и кормчий снова резко повернул правило, ловя ветер и обгоняя остальные корабли, уводя их за собой в открытый океан, долгой пологой дугой поворачивая к западу.

Не успел Егор прийти в себя после столь фантастического способа отчаливания поморских судов, как они удивили его еще одной потрясающей способностью.

Оказалось, что все они отапливаются!

Не целиком, конечно же, однако в носовом отсеке, в сужающихся вперед помещениях для команды, имелась самая настоящая, сложенная из камня и хорошо промазанная глиной добротная печь с выходящей наверх трубой из выдолбленного дубового ствола. В печи можно было готовить горячую пищу, что в студеное море само по себе казалось чудом, возле нее можно было сушить промокшую одежду, отдохнуть в тепле после вахты на обледенелой палубе... В общем – настоящее сокровище!

Каютка на носу была небольшой, рассчитанной всего человек на десять – а потому ватажникам удобствами пришлось меняться. Четыре десятка – вольготно наверху, под ледяным ветром и солеными брызгами, остальные, стиснувшись, как кильки в банке, в тепле. А потом – наоборот.

Игнатий Трескач на море чувствовал себя куда увереннее, нежели на берегу: стоял, словно вросший в палубу, широко расставив ноги и пропустив правило под мышкой, поглядывая то на небо, то по сторонам и ничуть не беспокоясь по поводу того, что берег давно скрылся за горизонтом, а на пути то и дело встречаются обширные ледяные поля, обсиженные ленивыми тюленями.

– Не заблудимся? – осторожно поинтересовался у северянина князь Заозерский.

– Дальше берег – меньше скал, – не моргнув глазом, ответил помор. – Коли-то ветер не переменится, завтра к полудню-то влево повернем. Там и посмотрим.

Океанский маршрут и вправду давал немалое преимущество: кочи могли идти под всеми парусами даже ночью, не опасаясь наскочить на мель или берег. Корабелы вывесили за корму и на кончики мачт масляные лампы, дабы не потеряться во мраке, и продолжали штурмовать одну волну за другой, которые раскачивали спящие команды словно в гигантских колыбелях.

Егор ушел в каюту уже глубоко за полночь, когда глаза начали слипаться. Ему как атаману выделили гамак, но на завтрак князь получил ту же еду, что и все: кусок тушеной рыбы в соусе из какой-то крупянистой пакости и ковш чуть разведенной вином воды.

Когда он поднялся наверх, кочи уже шли прямо на солнце. Видимо, Трескач решил повернуть к югу раньше, чем вчера намеревался. У штурвала ныне стоял Гагар, борода которого развевалась на ветру, подобно маленькому адмиральскому вымпелу, купец же, поглядывая на горизонт, прокручивал в руках длинейший пергамент, смотанный в рулон и густо испи-саный. Помимо букв на нем имелись и простенькие рисунки в виде темных силуэтов.

Атаман, ничего не говоря, встал к другому борту – не хотел отвлекать занятых прокладкой пути корабельщиков.

Где-то через час Игнатий стал тихонько ругаться себе под нос, но вскоре встрепенулся:

– Вот-то он! – Он указал вперед, где над горизонтом появилась неровная линия с приметным провалом в одном из мест. – Остров Магерё!

Трескач бодро сбегал вниз, в свою каморку, почти сразу вернулся – но уже без свитка, встал к рулю, хлопнув Гагара по плечу:

– Ступай-то, отдыхай.

– Долго нам еще плыть? – поинтересовался Егор.

– Лешшой! Не задавай-то морю таких вопросов, атаман, – покачал головой кормчий. – Сглазишь.

Кочи снова полого отвернули в открытый океан, однако через несколько часов опять приблизились к суше. Кормчий определился с местом, вновь отвернул, на этот раз куда круче.

– Впереди острова, – пояснил он для Егора.

– Ушкуи!!! Ушкуи! – неожиданно закричал кто-то с коча, идущего сзади и немного левее.

Князь быстро подошел к левому борту, оглядывая горизонт, но кормчий оказался глаза-стее:

– Вон они, сзади, – указал Игнатий рукой. – Без парусов идут, оттого над водой почти не видно.

– Откуда здесь ушкуи? – Егор старательно пялился в указанном направлении, но ничего не различал.

– Нурманы-то, – сладострастно ответил помор, облизнув губы. – Они мыслят-то, торговый караван-то заметили, слишком близко-то к берегу забредший. Подождем немного-то и уйти попытаемся.

– Зачем? – оглянулся на него князь.

– Дабы-то не спугнуть, – ухмыльнулся кормчий.

– Понятно! – Атаман оттолкнулся от поручней и быстро прошел к передней каюте, по пути пиная дремлющих ватажников: – Тревога! К оружию! Подъем! Надевайте доспехи! – Наклонился в люк теплого жилого трюма и крикнул еще раз: – Тревога! Готовьтесь к бою.

О себе Егор как-то не задумался – однако верный Федька сообразил вынести ему на палубу кольчугу, шлем и щит. Вооружившись, атаман прогнал паренька в трюм, велел следить, чтобы никто не отсиделся во время схватки, – но на деле спасая от мечей знаменитых викингов. Кого еще можно застать на длинных и низко сидящих лодках возле побережья будущей Норвегии? Да и не ушкуи это наверняка были, а самые настоящие драккары!

Ватажники, таясь за бортами, через отверстия для слива воды изредка выглядывали наружу, следя за приближающимся врагом. Знаменитые морские разбойники нагоняли пузатые парусники стремительно, как стоячих. Драккаров было всего три, и они явно нацелились на самую соблазнительную добычу: двухмачтовики.

Кочи, отвернув в море, драпали с безнадежной отчаянностью. На корму выскочили поморы с луками, стали пускать редкие стрелы. Нурманы, выставив на нос несколько воинов, прикрылись щитами – и тем самым только лишили себя хорошего обзора.

– Пусть ребята веслами помашут, – улыбнулся Егор сидящему напротив, прижавшись к борту, Осипу Хвосту. – Чем сильнее устанут, тем нам проще.

Его бил мелкий озноб. Хорошо знакомый мандраж перед подзабытым за последние месяцы ощущением огня в крови, вспыхивающего, когда его сабля скрещивается с клинком врага, когда видишь рядом чужое оскаленное лицо, горящие ненавистью глаза и чувствуешь, что скользишь по самой грани жизни и смерти. Перед ощущением безграничного восторга, когда понимаешь, что соскользнул с этой грани, оставшись здесь, по эту сторону бытия. Перед ощущением силы и всемогущества, добываемым в схватке с самой смертью, на полном пределе своих возможностей и воли.

Того самого чувства, ради которого когда-то он ходил на аттракционы, добывая глоток адреналина при падении с «башни смерти» или катании на «американских горках». Но только в тысячу раз более сильного, поскольку в парках ему гарантировали не только немножко страха, но и полную безопасность. Здесь же все было с точностью до наоборот.

Осип улыбнулся в ответ, быстро выглянул в отверстие, тут же отпрянул назад и вытащил меч:

– Уже близко. Сейчас бросят кошек.

Опытный ушкуйник откатился от борта, Егор последовал его примеру – как и многие другие ватажники. Это было сделано вовремя: в воздухе мелькнули металлические крючья с длинными отрезками цепей – чтобы не обрубил, – упали на палубу, скребнули по ней, отползая назад, и напряглись, уцепившись за край борта.

– Ну, наконец-то! – Ватажники, выпрямляясь, сомкнули ряды и выставили клинки.

Из-за борта послышался устрашающий вой, почти сразу через борт стали переваливаться оружие во всю глотку грабители: в большинстве даже без шлемов и доспехов, только в кожаных куртках, а то и вовсе, несмотря на мороз, обнаженные по пояс.

– Привет, – ласково поздоровался с незваными гостями Егор. Озноб исчез, как отрезало. Он был холоден и спокоен, и только по жилам его бежал кипяток, заставляя улыбаться в предвкушении боя.

Грозный вой резко оборвался. Нурманы, увидев вместо нескольких испуганных торговцев толпу веселых воинов, растерянно опустили оружие.

– Вперед! – скомандовал Егор и, пока бандиты не начали сигать обратно за борт, первым ринулся в атаку.

Против восьмидесяти ватажников нурманов оказалось слишком мало – атаман ни на одного не успел даже замахнуться. Зато первым подскочил к борту и тут же спрыгнул на гребные банки крепко принайтовленной к борту лодки.

Здесь подобного сюрприза тоже не ожидали – пяток гребцов были слишком заняты увязыванием веревок, чтобы смотреть наверх.

– Х-хо! – Не дожидаясь, пока на него обратят внимание, атаман рубанул ближайшего викинга по голове, кинулся на второго. Тот успел подхватить с палубы гарпун, резко ударил в Егора – но князь подставил щит. Наконечник с треском пробил доски, пройдя их почти насквозь, и накрепко застрял в древесине. Егор, не теряя времени, присел на колено и снизу, из-под щита, вогнал свой клинок врагу в живот.

Больше он ничего сделать не успел – следом посыпались остальные ватажники и моментально выбросили нурманов за борт.

– Ушкуй, атаман! – одобрительно похлопал ладонью по краю борта Осип Хвост. – Настоящий ушкуй. Что делать будем?

– Мачта здесь! – крикнул с кормы взъерошенный Федька, вопреки приказу оказавшийся в гуще схватки. – И парус сложен.

– Так что скажешь, атаман? – снова нетерпеливо спросил Осип.

– Чего-чего? Не бросать же добро, коли Господь решил одарить таким подарком. Отбери человек двадцать, и обживайте.

– Ага! – В момент повеселевший ушкуйник полез по веревке наверх, крикнул через борт: – А ну, кому тут давиться надоело? Айда ко мне!

Никакой добычи на захваченных лодках победители не нашли – если не считать такими несколько гарпунов, один лук, потертые мечи с топориками и несколько старых доспехов. Викинги не взяли в море даже воды. «Очень уж в погоню за купцами торопились», – съехидничал по этому поводу Трескач. Однако для засидевшихся на берегу ватажников ушкуи сами по себе стали настоящим сокровищем. Тесной каморке, пусть даже и теплой, было не сравниться с гребной банкой, ощущением близкой – рукой достать можно – воды, ветром в лицо и полощущимся над самой головой своим парусом.

Где-то за час ушкуйники освоились с новыми кораблями, подняли и закрепили растяжками мачты, подняли паруса и ринулись в погоню за медлительными кочами, чтобы пристроиться в кильватере поморской эскадры.

Оставшиеся семь дней пути идущие с попутным ветром корабли больше никто не беспокоил.

Глава 3

Апреля 1410 года *Крепость Стекольна*

Одинокий коч, подошедший к причалу возле Нормальма, не вызвал у портовых служб никакого интереса. Большой город требовал много еды, и рыбаки в надежде на хорошую цену привозили сюда свои уловы даже из самых дальних уголков Варяжского моря. То, что рыбаки оказались русскими, их даже успокоило. Ибо – зима...

Михайло Острожец, изображая из себя хозяина коча, отчаянно спорил у сходней со сборщиками податей, выторговывая себе право выйти на городской рынок, а тем временем Егор, переодетый в драную робу из оленьих шкур, забравшись на мачту, старательно мазал дегтем от гнили макушку и крепеж. При этом, разумеется, смотрел не столько на ванты, сколько по сторонам.

Отсюда, с высоты, будущая шведская столица была как на ладони. Прямо аэрофото-съемка в реальном времени.

Вопреки ожиданиям, каменной в нынешнем Стокгольме была только крепость. Остров Стаден – как успел запомнить Егор из долгих бесед с кормчим.

Сам Трескач идти с первым кораблем не захотел: боялся, что ганзейцы его запомнят и больше не пустят ни на один свой торг. Остался дожидаться ночи в путаных шхерах, которыми были изрезаны северные берега Швеции.

На прочих островах возле твердыни укрепления тоже имелись – но это были обычные валы из битого камня с идущим поверху частоколом. Однако и северное предместье – Нормальм, и южное – Сёдермальм были застроены деревянными лачугами самого затрапезного вида. Богачи там явно не селились. Иное дело – Стаден. Дома на главном острове возвышались трехэтажные, каркасные, яркие из-за разноцветной штукатурки. Несколько отдельно стоящих каменных сооружений явно были административными зданиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.